УДК 272

Иеромонах Михаил (М. С. Рудаков), С. Ю. Акишин

Воспоминания В. А. Протасова «Мои школьные годы» как источник по истории и деятельности Челябинского уездного духовного училища в 1865–1869 гг. (с публикацией текста)

Аннотация. В статье представлен краткий анализ воспоминаний Василия Александровича Протасова о его обучении в системе духовного образования: в Челябинском уездном духовном училище и Уфимской духовной семинарии. Основное внимание авторов сконцентрировано на первой их части — времени обучения в 1865–1869 гг. в духовном училище и различных деятелях духовного образования, с которыми В. А. Протасов взаимодействовал. Показано, что воспоминания дают очень личную и иногда уникальную информацию об училище, некоторых его преподавателях и воспитанниках, благодаря которой можно реконструировать состав педагогов и учащихся.

Ключевые слова: *Челябинское уездное духовное училище, В. А. Протасов, педагогическая деятельность, система наказаний, воспитание*

Для цитирования: *Рудаков М. С., Акишин С. Ю.* Воспоминания В. А. Протасова «Мои школьные годы» как источник по истории и деятельности Челябинского уездного духовного училища в 1865–1869 гг. (с публикацией текста) // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 294–338.

Сведения об авторах: Михаил (Рудаков Михаил Сергеевич), иеромонах — магистрант кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии, клирик Собора Рождества Христова (Российская Федерация, г. Челябинск). *E-mail: misha_r.92@mail.ru*

Акишин Сергей Юрьевич — кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии, https://orcid.org/0000-0003-2440-9516 (Российская Федерация, г. Екатеринбург). *E-mail: nikomachus@gmail.com*

В Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО) в фонде Челябинского государственного краеведческого музея (ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58) отложился документ под названием «Мои школьные годы», датированный 4 августа 1925 г. Этот текст написан в жанре воспоминаний выпускником Челябинского уездного духовного училища Василием Александровичем Протасовым (1855/1856–1929). Объем документа — 35 л. Текст написан красными (л. 23–34 об.) и синими (л. 35–57 об.) чернилами в тетради, в линейку (л. 51–57 об. написаны на листах, рас-

© М. С. Рудаков, С. Ю. Акишин, 2026

черченных в крупную клетку), и имеет авторскую пагинацию листов с 1-го по 35-й. На титульном листе (л. 22) рукой автора написано: «Василий Протасов. Мои школьные годы», в конце воспоминаний (л. 57 об.) подпись повторяется. В некоторых местах сочинения имеются зачеркивания текста и исправления, сделанные автором синими чернилами и простым карандашом, что свидетельствует о работе над воспоминаниями в течение определенного времени.

Автор воспоминаний В. А. Протасов родился в семье священника и первоначальное образование получил у частного учителя Ивана Никитьевича Бакланова. Далее учился у Захария Федоровича Полянцева вместе с некоторыми учащимися Челябинского духовного училища и после смог поступить в названное учебное заведение сразу в 3-й класс, или среднее отделение[1] (15 августа 1865 г.). Очевидно, что у частных учителей В. А. Протасов получил элементарные познания и прошел программу низшего отделения уездного училища (до 1852 г. этот двухгодичный курс давался в т. н. приходских училищах).

Во время обучения в училище В. А. Протасов имел среднюю успеваемость, особые проблемы испытывая с латинским языком и математикой. После училища он поступил в Уфимскую духовную семинарию, но не окончил полного курса обучения. Вероятно, он закончил т. н. «общеобразовательные» первые четыре класса семинарии, после чего хотел поступить в Казанскую учительскую семинарию, но ему этого не удалось сделать. Отец его планировал отправить в только что открывшееся в Екатеринбурге Алексеевское реальное училище, но его учебная программа оказалась слишком сложной[2]. На протяжении нескольких лет В. А. Протасов работал секретарем и делопроизводителем Челябинской городской думы. В последние годы жизни активно занимался краеведением, собирая материалы по истории Челябинска[3].

[1] По Положению о низших духовных училищах (31 мая 1852 г.) приходские училища были ликвидированы, но курс уездных училищ был расширен еще одним отделением. В общей сложности в училищах было три отделения: низшее, среднее и высшее — по 2 года обучения в каждом.

[2] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 43 об.

[3] О нем см.: *Протасов В.* Записки челябинского старожилы / публ. Е. П. Туровой // Челябинск неизвестный: краеведческий сб. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 199 (см. предисл. к публ.); *Боже В. С.* Протасов Василий Александрович // Его же.

Воспоминания В. А. Протасова уже привлекали внимание исследователей и достаточно пространные выдержки из них опубликованы еще в 1996 г. Е. П. Туровой[4]. В 2002 г. некоторые фрагменты воспоминаний вместе с адаптированной для школьников вводной статьей вошли в хрестоматию текстов писателей Южного Урала для 5–9 классов[5]. Некоторые цитаты из воспоминаний можно найти в книге, посвященной семье Полянцевых, где цитируются фрагменты, связанные с помощником смотрителя Захарием Федоровичем Полянцевым и устройством им библиотеки[6]. Фрагменты воспоминаний об И. А. Орлове использованы в статье доктора исторических наук А. И. Конюченко[7], которая повествует о Челябинском духовном училище.

Свой труд Василий Александрович Протасов сравнивает с произведением русского писателя, прозаика Н. Г. Помяловского «Очерки бурсы» и отмечает, что последующие писатели повествуют лишь о ситуации в семинариях[8], а он хочет рассказать нам об образовании

Школьный мир дореволюционного Челябинска: в 2 т. Челябинск, 2006. Т. 2. Справочные материалы. С. 168; *Его же.* Протасов Василий Александрович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 5: П–Се. С. 418 (с фотографией В. А. Протасова).

[4] Там же. С. 199–209.

[5] *Протасов В. А.* Мои школьные годы // Литература России. Южный Урал: хрестоматия. 5–9 кл. Челябинск, 2002. С. 8–18.

[6] *Вепрев О. В., Лютов В. В., Полянцев О. Г.* Полянцевы: История семьи. Екатеринбург, 2018. URL: https://raritet-chel.ucoz.ru/publ/poljancevy_istorija_semi/zakharij_fedorovich_1835_1903_1/31-1-0-332 (дата обращения: 01.11.2025).

[7] *Конюченко А. И.* Челябинское духовное училище // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 69–70.

[8] Этой проблеме, в частности, посвящены несколько статей в журнале «Новое прошлое»: *Леонтьева Т. Г.* Феномен семинаризма в литературе и истории // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 8–26; *Беговатов Д. А.* Возражая Н. Г. Помяловскому: о «лучах света» в «темном царстве» духовных школ // Там же. С. 28–43; *Орлова Ю. П.* Реформа духовного образования 1860–1870-х гг. и нравственный облик служителя церкви в представлениях членов семинарского сообщества // Там же. С. 44–61; *Сафронова Ю. А.* Как воспитать «нового человека»? Организация внеклассного чтения в ходе реформы духовно-учебных заведений 1867 г. // Там же. С. 62–77; *Ваничева К. В.* От «секретных сборищ» к «тайному обществу»: кружок Александра Румянцева в Вологодской духовной семинарии в интерпретациях российских властей (1860-е гг.) // Там же. С. 78–94; *Гайденко П. И.* Некоторые размышления о современных исследованиях по истории духовного образования

в духовном училище в 1865–1869 гг.[9] Это упоминание и дальнейший стиль повествования во многом свидетельствуют, что В. А. Протасов вдохновлялся «Очерками» Н. Г. Помяловского, сформировавшего своеобразный канон создания подобных воспоминаний с акцентом на негативе. Кроме того, «Очерки бурсы» описывали нравы и быт Петербургского Александро-Невского духовного училища 1840-х — начала 1850-х гг., В. А. Протасову же важно было показать, что и спустя несколько десятилетий, во второй половине 1860-х гг. в системе духовного образования мало что изменилось. Отметим, что той же проблеме фактически был посвящен очерк выпускника Екатеринбургского уездного духовного училища, русского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сорочья похлебка». Правда, очерк был издан спустя несколько десятилетий после смерти В. А. Протасова, потому он о нем знать не мог[10].

Поскольку воспоминания написаны уже в советское время, в 1925 г., это, безусловно, накладывает на них свой отпечаток, делая их тенденциозными. Автор акцентирует свое внимание преимущественно на негативных сторонах жизни в духовном училище, хотя, как кажется, должно было быть много и позитивного. Но, с одной стороны, память сохранила много отрицательных воспоминаний, с другой стороны — установившийся новый политический строй и воздвигнутые гонения на Церковь словно диктовали поделиться негативным опытом с окружающими.

В воспоминаниях можно выделить предисловие, описание обучения до поступления в училище и учебного процесса в самом училище; имеются фрагменты воспоминаний об Уфимской духовной

в Российской империи: негласные табу, академическая цензура и самоцензура // Там же. С. 96–106.

[9] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 23 об. — 24. По мнению исследователей, именно жизнь в бурсе духовного училища была тяжелейшим испытанием для детей духовенства — см., напр., гл. 5 с характерным названием «Мученичество в школе» в исследовании: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 202–253.

[10] Первая публикация: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Сорочья похлебка // Урал. 1958. № 1. С. 60–94; републиковано в том же году в сб.: *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Худородные. Свердловск, 1958. С. 5–60. Об этом очерке см. ст.: *Мангилёва А. В.* «С еще не утраченной наивностью, напоминающей утреннюю росу...». Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сорочья Похлебка» в историческом и культурологическом контексте // Русская словесность. 2016. № 5. С. 72–76.

семинарии в связи с обучением в училище. Идейная структура воспоминаний, на наш взгляд, идеально вписывается в схему, предложенную Л. Манчестер (для удобства мы ее используем в детализации А. В. Мангилёвой): 1) «падение» — переход из родительского дома на обучение сперва к частным учителям, а потом в духовное училище; 2) «постепенное восхождение» через обучение в Челябинском училище и Уфимской семинарии «к служению обществу»[11]. Хотя описания самого «служения обществу» в воспоминаниях нет, но в них есть одна существенная деталь — оценка в целом своего обучения в духовном училище и попытка разобраться в чувствах, которые посещали В. А. Протасова, когда он проходил мимо училищного здания.

Духовное училище, по воспоминаниям В. А. Протасова, представляло собой унылое здание с пятью окнами в 8 пролетов на ул. Цвиллинга (стоит отметить, что новое здание училища построено в 1870-е гг.)[12]. Когда Василий Александрович впервые вошел в училище, заострил внимание на том, что на воспитанниках были одеты шубы или пальто, а на окнах была изморозь[13], что свидетельствует о плохом отоплении здания или лютых морозах.

Наибольший интерес представляют для нас описания администрации училища, преподавателей и одноклассников В. А. Протасова. Ценны они в первую очередь тем, что дают живые образы людей, с которыми пришлось контактировать Василию Александровичу.

Священник **Иван Андрианович Евсхизов,** смотритель училища. «Ростом выше среднего, худой как скелет»[14]. Василий Александрович упоминал, что смотритель училища посещал его класс однажды во время урока по латинскому языку, который вел З. Ф. Полянцев. На этом уроке смотритель решил испытать 7-го по успехам ученика класса — А. Ильина. Ильин не очень хорошо ответил на поставленный вопрос, за что о. И. Евсхизов отдергал его за волосы, спрашивая на латыни, почему он не знает (слово «почему» было

[11] *Мангилёва А. В.* «С еще не утраченной наивностью, напоминающей утреннюю росу...»... С. 76.

[12] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 46 об.

[13] Там же. Л. 27 об. — 28.

[14] Там же. Л. 30 об.

произносимо на латыни, и за это вопрошавшего прозвали «Кур»)[15]. В апреле (судя по воспоминаниям, мы можем предположить, что это был 1869 г.) всех учеников сопроводили в Троицкую церковь молиться за здравие смотрителя. А уже в мае того же года воспитанники молились за упокой. При отпевании все учителя говорили речи[16].

Иван Андреевич Орлов, самый часто упоминаемый учитель в воспоминаниях В. А. Протасова. В училище он был инспектором и преподавал греческий язык[17]. Практически все случаи упоминаний имени И. А. Орлова связаны с наказанием учеников: Василий Александрович даже приводит список, сколько и кому «выписал розг» И. А. Орлов: он был любителем наказать воспитанников и у него был помощник, сторож-поляк, исполнявший эту функцию[18]. Не пощадил И. А. Орлов даже своего племянника Лебединского и назначил ему наказание за то, что тот с одноклассниками выпили и ходили пьяными по городу[19]. В целом И. А. Орлов характеризуется крайне негативно.

Вспоминает Василий Александрович и о **Захарии Федоровиче Полянцеве,** преподавателе латинского языка[20], с которым познакомился еще до поступления в училище, обучаясь у него на дому[21] (очевидно, для поступления в училище). В основном воспоминания о Захарии Федоровиче у В. А. Протасова остались добрые: он часто заменял смотрителя училища на преподавании Священной истории и катехизиса[22], руководил училищным хором, оставляя после уроков воспитанников на спевки[23]. Кроме того, занимался церковным пением с хором женского монастыря[24]. Единственный случай, когда З. Ф. Полянцев вызвал слезы у В. А. Протасова, — при разучивании на хоровой спевке произведения прот. П. Турчанинова «Чашу

[15] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 31–31 об.
[16] Там же. Л. 45 об. — 46.
[17] Там же. Л. 27 об.
[18] Там же. Л. 36 об.
[19] Там же. Л. 38 об. — 39.
[20] Там же. Л. 30 об.
[21] Там же. Л. 28–28 об.
[22] Там же. Л. 30 об.
[23] Там же. Л. 47 об. — 48, 29.
[24] Там же. Л. 29.

спасения прииму и имя Господне призову». Из этого эпизода нам известно, что Василий Александрович хорошо пел сопрано, по слуху, а нот не знал. Однажды его родственник Порфирий Протасов, который был солистом в хоре под управлением З. Ф. Полянцева, не пришел по болезни, и Захарий Федорович заставил петь Василия: он долго с ним репетировал, ударяя кулаком в левое плечо каждый раз, когда в партии попадался диез. После этого случая по распоряжению отца В. А. Протасов перестал ходить на хоры, а З. Ф. Полянцев, чтобы вернуть его, даже предлагал ему жалованье за пение, но тщетно. Василий вернулся в хор только когда З. Ф. Полянцев поговорил с его отцом[25].

Вспоминает В. А. Протасов и о учителе 2-го класса, будущем протоиерее **Николае Никандровиче Родосском** в связи с его участием в отпевании смотрителя училища о. Иоанна Евсхизова: тот заблаговременно, до отпевания, сказал первым трем ученикам каждого класса подойти ближе ко гробу, когда он, Родосский, начнет свою речь. Превознеся о. И. Евсхизова как преподавателя, священнослужителя и человека, Н. Н. Родосский обратился в конце концов к стоявшим вблизи ученикам: «А вы, о которых покойный так отечески заботился, проповедуя смирение и любовь к начальству, ослушались, плохо учились и т. д. Перекреститесь, сделайте земной поклон и мысленно испросите прощение у усопшего»[26].

В воспоминаниях бегло упоминаются и другие лица: учитель географии Владимир Татищев[27] и учитель русского языка Евгений Федорович Шмотин[28] (впоследствии священник). Кроме того, Василий Александрович, конечно же, много внимания посвящает и своим одноклассникам, о которых вспоминает в той или иной связи; в нашей статье мы расскажем о нескольких из них.

Федор Образцов — хулиган, оставленный в 3-м классе из-за греческого языка. В 1865 г. повредил руку: решил обойти церковную колокольню снаружи по карнизу и упал, сломав запястье левой руки. Он имел прозвище «Каин» и часто обижал Василия Протасова[29].

[25] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 48–49 об.
[26] Там же. Л. 46–46 об.
[27] Там же. Л. 37 об.
[28] Там же. Л. 39–39 об., 56 об.
[29] Там же. Л. 28 об., 30–30 об., 36 об. — 37, 39–39 об., 56 об. — 57.

«Майорша» (по словам Протасова, брат Каина) тоже застрял в 3-м классе из-за арифметики и географии[30].

Андрей Ильин (7-й на первой парте по успехам; почему-то его звали монашкой): был случай, что А. Ильина смотритель постучал пальцем по лбу, когда тот не мог ответить, и за него вступился З. Ф. Полянцев[31].

Более всего говорится в воспоминаниях об ученике Александре Гордееве, окончившем училище вторым и поступившем в Уфимскую духовную семинарию седьмым. После окончания им семинарии В. А. Протасов встречал его еще дважды. Первый раз — в Челябинске (оказалось, что он приехал просить преосвященного посвятить его во диакона); еще через 2–3 года — в одном из сел Челябинского уезда (кажется, в Сладких Карасях) Василий Александрович встретился с А. Гордеевым (он тогда служил дьячком на старообрядческом приходе)[32].

Двое одноклассников Василия — Иван Соколинский и Порфирий Протасов — пели в хоре[33], причем в соборе. Михаил Протопопов[34] отличался способностью разгрызать пополам финиковую косточку. Николай Глинский имел такую грубую кожу на теле, что проводя по локтю левой руки зажигал серную спичку[35].

Вообще имена и фамилии одноклассников В. А. Протасова встречаются в связи с наказаниями. К сожалению, не всегда легко проследить их дальнейшие судьбы. Следует лишь отметить, что они — представители известных священнических родов Челябинского уезда: Инфантьевы, Шмотины, Владыкины и др.

Что касается организации нравственной части жизни училища, следует отметить, что ученики часто шалили. Василий Александрович вспоминает такой случай. Как-то раз, придя в 4-й класс, в помещении которого по обычаю служились всенощные бдения, ученики увидели на столе неубранными облачения диакона и священника. Они облачились в них, организовали хор и стали совершать таинство

[30] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 28 об., 30.
[31] Там же. Л. 31–32, 39 об. — 40.
[32] Там же. Л. 39 об., 40 об. — 41, 41 об.
[33] Там же. Л. 48.
[34] Там же. Л. 55 об.
[35] Там же.

Венчания. За этим делом их застал З. Ф. Полянцев и всех оставил без обеда, а сторожу высказал замечание за то, что тот не унес облачение в правление[36]. Также В. А. Протасов рассказывает, что уже в 4 классе все курили, и как-то раз его чуть не поймали, т. к. он решил покурить перед уроком со своими одноклассниками[37].

Василий Александрович упоминает, что И. А. Орлов назначил его аудитором учеников последней парты. Аудитор должен был удостовериться, готовы ли ученики к занятию, и сделать об этом в журнале соответствующую пометку[38]. В скором времени аудиторство было отменено, но вместо него В. А. Протасову и некоторым другим ученикам поручили наблюдать за учениками на квартирах. Их называли старшими, а в книге ими делалась отметка о занятиях учеников: кому они объясняли урок и по какому предмету, все ли учащиеся были на месте (увы, это было формальностью, т. к. эти квартирные журналы не просматривались училищным начальством)[39].

В. А. Протасов вспоминает, что в училище практиковался рекреационный день, когда воспитанники не обучались. По традиции, этот день проходил 1 мая, но инспектор И. А. Орлов переносил его на 11, 12 или 13-е мая: он искал и собственной выгоды от рекреации — давал ее при условии, что каждый из учащихся представит в этот день по стакану березовых почек, которыми он потом делился с другими учителями и продавал аптекарю[40].

В Челябинском духовном училище, как и в некоторых других училищах Российской империи, был достаточно интересный опыт: т. н. пономарский (так в терминологии В. А. Протасова — реально он назывался причетническим) класс[41], куда переводили малоуспешных учеников из 2–4 классов и преподавали им самые элементарные курсы — церковное пение, богослужебный устав и переплетное ремесло (руководство училища заботилось о будущем своих учащихся, чтобы даже самые слабые из них каким-то образом могли добывать себе средства к пропитанию).

[36] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 47–47 об.
[37] Там же. Л. 49 об. — 50.
[38] Там же. Л. 35 об. — 36.
[39] Там же. Л. 50 об.
[40] Там же. Л. 45 об.
[41] Там же. Л. 29 об. — 30.

В училище в одном и том же классе могли обучаться и дети 8 лет, и учащиеся «великовозрастные», которым было по 18–19 лет[42]. Это обстоятельство, конечно, негативно сказывалось на выстраивании воспитательного процесса, т. к. старшие могли злоупотреблять своим преимуществом в возрасте и обижать младших. Например, явно физически более развитый, один из учащихся «показывал Москву» — стиснув голову младшего ученика, обеими руками приподнимал над землей[43].

Практиковались в училище и телесные наказания, бывшие нормой в системе духовного образования, действовавшей по Уставу 1814 г. (с изменениями, произошедшими в результате т. н. «протасовских реформ»). И, хотя в 1867 г. были приняты новые семинарский и училищный уставы, как показывают воспоминания, телесные наказания еще оставались (в воспоминаниях указываются следующие: удар кулаком по зубам (зуботычина)[44], стояние на коленях на гребне парты[45], розги (по 20 — и это была норма)[46], таскание за волосы (теребачка)[47], коленопреклонение, пощечины и удары кулаком по голове[48]).

Ощутимое время в духовном училище отводилось богослужению и молитве. Молились перед каждым занятием (нарочно медленно) и после него (уже побыстрее, чтобы попасть пораньше на перемену)[49]. Всенощные бдения совершались в аудитории 4-го класса училища, на Литургии же ходили в соборный храм[50].

Во время перемен между занятиями воспитанники себя поразному развлекали. Как сообщает В. А. Протасов, в летнее время выходили во двор, где боролись, играли «в свайку», ножичек, лапту, щучку, чехарду; зимой играли в снежки, делали из снега башню и потом ее разрушали[51].

[42] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 30, 50.
[43] Там же. Л. 30, 30 об.
[44] Там же. Л. 23 об.
[45] Там же. Л. 32 об.
[46] Там же. Л. 33 об., 36 об., 39, 39 об. и др.
[47] Там же. Л. 23 об., 31 об., 37 об., 56 об. — 57.
[48] Там же. Л. 50 об.
[49] Там же. Л. 31.
[50] Там же. Л. 47.
[51] Там же. Л. 55.

Из хобби автором воспоминаний упоминаются собирание коллекций стальных перьев, пуговиц (причем иногда их специально срезали с одежды прихожан в церкви)[52].

Изучив воспоминания В. А. Протасова о его обучении в Челябинском уездном духовном училище, подведем некоторые итоги. Василий Александрович обучался в очень непростой для воспитанников период. Хотя в скором времени в системе духовного образования будут введены новые уставы, в училище во времена обучения В. А. Протасова процветали насилие над личностью, наказания и абсолютно недопустимые меры взыскания. Автор оценивал свое обучение там как четырехлетнее пребывание в «каменном мешке», а атмосфера строгости, царившая в учебном заведении, и «ежовые рукавицы», в которых держали учащихся, затрудняли формирование внутренне свободного человека и рано или поздно способствовали неминуемому ослаблению этой пружины.

Воспоминания дают достаточно мрачный облик училища с его административно-преподавательской корпорацией. Автор приводит порой очень нелицеприятные характеристики учителей, которые, конечно, существенно дополняют их человеческие образы и биографии. В целом воспоминания — достаточно ценный источник для восстановления списка преподавателей, состава учащихся Челябинского уездного духовного училища и проблем, с которыми сталкивалась духовная школа 1860-х гг.

* * *

Приложение

От издателей. Текст воспоминаний публикуется в современной орфографии и пунктуации с сохранением авторского написания отдельных слов. Написанный В. А. Протасовым текст представляет собой с точки зрения русского языка смесь дореформенной нормы с нормой языка современной. Автор отказывается от употребления «ятей» и «еров», но при этом сохраняет в окончаниях вместо -ого — -аго, -яго и проч. Не всегда автор ставит в словах знаки переносов, иногда пропускает мягкий знак в конце шипящих, привыкает писать букву «ё», но не во всех словах, где она может быть. Некоторые слова снабжаются им ударением; целый ряд слов и предложений написан над строкой синими, черным чернилами и простым карандашом уже после написания воспоминаний в рамках их редактирования (эти случаи мы оставили без комментариев).

[52] ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 55–55 об.

Компьютерный набор текста выполнен кандидатом исторических наук Николаем Александровичем Антипиным; набранный текст сверен с рукописью С. Ю. Акишиным. Ему же принадлежат подстрочные примечания, в которых раскрывается информация об упомянутых в воспоминаниях лицах и фиксируются особенности рукописи. Примечания, принадлежащие автору воспоминаний, снабжены указанием: — *Прим. авт.*

В. А. Протасов
(л. 23) «Мои школьные годы»
(Челябинское Духовное училище в 1865–1869 гг.)

В брошюре «Воспитание, основанное на психологии ребенка» (перевод с французского Е. Юргенс, 1908 г.)[1], автор ее Лакомб говорит, что, приступая к критике современной системы образования, он не затрагивает личностей и все недостатки действующей системы приписывает не педагогам, а программам, которыми они связаны.

Не возлагает ответственности Лакомб даже и на составителей программ, так как они в свою очередь часто являлись бессознательным орудием непобедимой силы — традиции, давящей их своей трехвековой тяжестью.

Мои учителя давно уже покоятся вечным сном; к ним следовало бы применить поговорку «De mortuis aut bene, aut nihil»[2], но я воспользуюсь другим — ‖ (л. 23 об.) на этот раз — изречением «Мертвии срама не имут», — иначе, т. е. назвав моих воспитателей псевдонимами, мое повествование о них — мне кажется — носило бы характер вымысла.

* * *

После «Очерков бурсы» Помяловского[3] в нашей литературе не найдем вех, по которым бы можно проследить, — когда именно окончились педагогические приемы воспитания и обучения, покоящиеся на розгах, карцерах и т[ому] п[одобном], что привелось лично переносить и мне, и моим товарищам в период [18]65–[18]69 гг. прошлого века.

Если принять во внимание, что Помяловский (1835–1863 г.), судя по биографическим данным, поступил в Духовное училище 8-ми лет, т. е. в 1843 г., то антипедагогическая система в роде зуботычин, теребачек и порки розгами «на воздусях» продолжалась еще, считаясь с годом окончания мною курса Духовного училища в 1869 г., ровно 26 лет. ‖

---

[1] *Лакомб П.* Воспитание, основанное на психологии ребенка / пер. с фр. Е. Юргенс; 2-е изд. М., 1907 (обл. 1908). 56 с.

[2] О мертвых говорят хорошо, или ничего. — *Прим. авт.*

[3] Цикл очерков Николая Герасимовича Помяловского, выдержавших множество переизданий. Первое их издание было осуществлено в пяти частях в 1862–1863 гг. в журналах «Время» и «Современник».

(л. 24) Жизни[a] духовенства посвящены произведения «Забытого» (сотрудник «Отечественных записок»), Потапенко («До и после»)[4], Гусева-Оренбургского[5], Л. Добронравова[6], Елпатьевского[7], Лескова[8], Решетникова[9], С. Елеонского[10] и Шадрина Иллария[11]; в журнале «Жизнь» за 1900 г. помещены «Очерки Забалдаевской семинарии» Богдана Степанца[12] — произведение это также не затрагивает интересующей меня темы.

Однако ни один их названных авторов, как это сделал Помяловский, не коснулся той системы воспитания и обучения, какая существовала после него в духовных училищах, а Добронравов («Новая бурса») и Шадрин («Бурса») начинают свои воспоминания прямо с Духовной Семинарии, не касаясь предшествовавшего пребывания их в духовном училище.

Этому пробелу в нашей литературе я и посвящаю свои заметки.

[a] *вместо зачеркнутого* Быту

[4] Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) — русский прозаик и драматург. Речь идет о повести писателя «До и после», в которой он делится своими воспоминаниями об обучении в Херсонском ДУ (см.: *Потапенко И. Н.* До и после... (Из бурсацких воспоминаний) // Его же. Повести и рассказы. СПб., 1892. Т. 6. С. 1–184).

[5] Гусев-Оренбургский Сергей Иванович (1867–1963) — русский писатель, автор многочисленных сочинений. Выпускник Оренбургской духовной семинарии (см. о нем, напр.: *Татусь В. Н.* Писатель С. Гусев-Оренбургский — воспитанник Оренбургской духовной семинарии: дополнения к биографии (1876–1888 годы) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 209–230). Некоторых эпизодов семинарской жизни Сергей Иванович касается, напр., в своем рассказе «По течению» (Петроград, 1917).

[6] Добронравов Леонид Михайлович (1887–1926) — прозаик, драматург и публицист, пианист, актер, выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии. Его перу принадлежит роман «Новая бурса» (СПб., 1913).

[7] Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) — русский писатель, публицист и врач. Учился в Переяславском ДУ и Вифанской ДС, Петербургском и Московском университетах. См., напр., его «Рассказы о прошлом», где он изображает быт сельского духовенства.

[8] Лесков Николай Семенович (1831–1895) — русский писатель, публицист и литературный критик. Касался Церкви и описывал быт духовенства во многих своих сочинениях.

[9] Решетников Федор Михайлович (1841–1871) — писатель-народник, выпускник Пермского ДУ. См., напр., его повесть «Ставленник»: *Решетников Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 2 т. СПб., 1904. Т. 1. Стлб. 95–210; и др.

[10] С. Елеонский — псевдоним Сергея Николаевича Миловского (1861–1911) — писателя-беллетриста, смотрителя Сарапульского ДУ. См. его повести и рассказы (напр., «Неизреченный свет» и «Папаша крестный»: *Миловский С.* Хрустальное яблоко. Сарапул, 2011; о писателе см.: *Коршунков В. А.* Почему смотритель Сарапульского духовного училища С. Н. Миловский стал С. Елеонским // Герценка: Вятские записки. Киров, 2014. Вып. 26. С. 19–25).

[11] Шадрин Иларий (Илларий) Григорьевич (1872–1934) — писатель, корреспондент А. М. Горького и В. Г. Короленко. См.: *Шадрин И. Г.* Бурса: повесть из современной жизни духовных семинарий и духовенства. Петроград, 1917. О произведении см.: *Солодов Н. В.* Повесть И. Г. Шадрина «Бурса»: источники и прототипы // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 172–189.

[12] Богдан Степанец — псевдоним Федота Андреевича Кудринского (1867–1933) — педагога, этнографа, литературоведа. Выпускник Клованского ДУ, Волынской ДС и Московской ДА, кандидат богословия. Речь у В. А. Протасова идет о сочинении: *Степанец Б.* Очерки Забалдаевской семинарии // Жизнь: литературный, научный и политический журнал. 1900. Т. X. С. 226–262.

***

В 1864 г., вскоре после Пасхи, мать принарядила меня в пиджак и даже голову напомадила, что случалось только ‖ (л. 24 об.) в воскресенье и праздничные дни. Мой «первый пиджак»[a] — скорее подходил к форме женских кофт того времени в виде колокола, но «Авонька» — дочь заштатного пономаря Петушкова, не смущаясь, продолжала соперничать с мужскими портными; она же шила нам и[b] белье, по несколько раз — после примерки — перекраиваемое, перешиваемое.

Причесывая меня, мать объявила: «Сейчас отец[13] отведет тебя к учителю — грамоте учиться».

Такое напутствие — признаюсь — покоробило меня. Суть в том, что сестры мои частенько брали меня с собою к подругам Старцевым, отец коих — бритый и стриженый «под гребенку» — всегда представлялся мне суровым, неприветливым. Бывало, набедокурю или не выполню какие-нибудь требование сестер, они меня стращали: «Погоди, вот отдадим тебя учиться к Порфиру Уварычу — тогда будешь слушаться, не ‖ (л. 25) станешь шалить».

Я свободно вздохнул, когда учителем моим оказался не Порфир Уварыч Старцев, а Иван Никитьевич Бакланов, около дома и даже во дворе которого я давно уже свел знакомство с его квартирантами — учениками Духовного училища.

В обучении грамоте сам Бакланов почти не принимал никакого участия и лишь распределял учащихся между младшей и старшей дочерьми, женой, когда она была более или менее здоровой, и младшим сыном — учеником второго класса уездного училища. В качестве надзирательницы за нами состояла «бабушка» (мать Бакланова), которая время от времени понукала нас: «Чево буркалы-то на меня пялишь, уткни-ка лучше нос в книгу».

Нас, учащихся, было человек 8–9, в этом числе одна девочка; занимались мы утром до 9 часов и после обеда с 3 до 5 вечера, распределяясь в кухне, в сенях, в комнате или в садике — зависело это от учителя. ‖ (л. 25 об.) Мой учитель предпочитал больше заниматься со мною в огороде за баней, где старшая дочь Бакланова частенько и накрывала нас за игрою в свайку. Правда, я отказывался от игры[c], но учитель мой успокаивал, что я хорошо вытвердил свой урок.

---

[a] *далее зачеркнуты три строки;* [b] *далее зачеркнуто* брюки; [c] *написано вместо зачеркнутого* отговаривался

[13] Отцом Василия Александровича был прот. Александр Николаевич Протасов (1818(?)–1891). Образование получил в Оренбургской ДС, с 1846 г. — священник. О нем см.: *Боже В. С.* Протасов Александр Николаевич // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска: в 2 т. Челябинск, 2006. Т. 2. Справочные материалы. С. 167–168.

Сам Бакланов, очевидно, был руководителем своей школы; наши учителя — по мере успехов наших — делали ему доклад: «Азбуку я с ним прошла; знает».

— Начинай: «бе-а-ба»...

Зато обучение письму Иван Никитьевич никому не доверял — очевидно, «чистописание» он считал самым важным предметом в его школе.

Писали мы гусиными перьями, которые и «чинил» нам сам Бакланов. Писанию перьями предшествовала аспидная доска[14]; грифеля также починивал Бакланов. Кроме того, каждого поступившего в школу Б[аклано] в снабжал «указкой» — это узенькая деревянная дощечка, которую — на конце заостренную в виде тупого пера — учащийся и должен передвигать, ‖ (л. 26) произнося одну букву за другой. Водить указательным пальцем по буквам воспрещалось — книга загрязняется.

«Указки» часто приходилось делать[a] новые: при сильном нажиме они ломались, а иногда это делалось и с целью — протянуть время, пока будет готова новая «указка». В таких случаях Бакланов ворчал: «Пойду к отцу, да и пожалуюсь, что ты нарочно указку ломаешь»...

Выполнял ли Иван Никитич свою угрозу, я не проверял, так как сам лично я бережно пользовался «указкой» и вообще старательно учился.

В свою очередь бабушка журила самого Бакланова за то, что он «ее лучину» изводит на «указки» нам:

— Гну, гну спину-то, а ты тут как тут со своими «указками»; только сор один; сам бы щепал, да сам бы и подметал; смотри, опять сколько сорут-то.[b] ‖

(л. 26 об.) Бакланов отмалчивался, а бабушка чрез некоторое время, вооружась веником, поднимала такую пыль, что мы принуждены были срываться со своих мест.

— И когда это, прости Господи, этим «указкам» и конец придет, — заканчивая свою работу — говорила бабушка.

В общем это была добрая старуха и иногда по утрам — оторвавшись от печки и сковородников, ставила на стол тарелку с блинами, лепешками или шаньгами, сильно сдобренными маслом, — «поешьте-ка, — говорила бабушка, — чать, проголодались ужь».

Как бы то ни было, мое ученье шло вперед; аз, буки я до конца нашего алфавита выучил; перешел на «бы», «вры», «гры» и начал уже читать по складам, а к осени мне дали книгу для чтения Паульсона[15]. Читая,

[a] *далее зачеркнуто повторяющееся слово* делать; [b] *далее зачеркнуто* насорил

[14] Письменная принадлежность в виде пластины из черного твердого сланца.

[15] Имеется в виду: *Паульсон И. И.* Книга для чтения и практических упражнений в русском языке: учеб. пособие для народных училищ / 4-е изд. СПб., 1863.

я узнал, что неизвестная мне «Госпожа Зимина была нездорова»[16] (так начинается рас[с]каз). ‖

(л. 27) Я уже научился писать цифры, а на славянском наречии преодолел «Аз, Ангел, Архангел, Бог, Божество, Богородице» (на этом и закончилось обучение славянскому чтению). Очевидно, по полугодовой программе бóльших познаний и не требовалось; осенью я оставил школу[a] Бакланова.

Иной раз, по случаю дождливой[b] или просто холодной погоды, в кухне нас собиралось 3–4 и даже больше. Со стороны интересно было слушать, как мы наперебой горланили — один «бе-о-бо», другой «бы», «вры», а третий, прищелкивая пальцами[17], певуче декламировал «аз, Ангел, Ангельский».

***

Чтоб я не отвлекался от грамоты, мать заставляла меня читать или писать.

В один из Октябрьских морозных дней (в те годы зима устанавливалась рано; после «Покрова́ дня»[18] вскоре уже «лошадки, снег почуя, на дро́внях обновляли путь...»[19]) отец повел меня, как оказалось потом, ‖ (л. 27 об.) в Духовное училище. Мы вошли во 2-й класс (иначе — низшее отделение), где отцу нужно было переговорить с Иваном Андреевичем Орловым[20], который — как потом я узнал — был Инспектором училища и преподавал греческий язык.

На стуле перед столом, с накинутым на плечи форменным — с белыми пуговицами — барашковым пальто, сидел — лет 35 — рослый, здоровенный мужчина, с черной — извитою в кольца — шевелюрой на голове, при нашем[c] появлении Орлов подбежал навстречу к отцу, а меня — первым

[a] *вместо изначального* закончил курс в школе; [b] *далее зачеркнуто* погоды; [c] *далее зачеркнуто* входе

[16] В книге И. И. Паульсона это самый первый рассказ под названием «Подарок от чистого сердца» (см.: Там же. С. 1).

[17] Искусство это давалось не всякому; нужно было иметь длинные, тонкие, эластичные пальцы, чтоб, сотрясая в воздухе правой рукой, достичь звука при соприкосновении указательного пальца со средним. — *Прим. авт.*

[18] Имеется в виду праздник Покрова Пресвятой Богородицы — 1 октября по старому стилю.

[19] Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя, / На дровнях обновляет путь; / Его лошадка, снег почуя, / Плетется рысью как-нибудь».

[20] Орлов Иван Андреевич — инспектор духовного училища с 1847 г., выпускник Уфимской ДС. После введения училищного Устава 1867 г. должность переименована в «помощник смотрителя». С мая 1870 по лето 1872 гг. исполнял обязанности смотрителя. Преподавал в Челябинском ДУ разные предметы. 15 мая 1873 г. вышел в отставку от духовно-училищной службы. О нем см.: *Боже В. С.* Орлов Иван Андреевич // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 145.

долгом — поразил заметно выдавшийся живот этого колосса, усеянный по жилету нюхательным табаком.

Пока отец говорил с Инспектором, я обвел глазами голые стены класса, должно быть, давно не знавшие побелки; подернутые изморозью три окна, выходящие на север; осмелился затем обозреть ряд парт, за которыми сидели учащиеся; в классе было очень прохладно; все были в шубах ‖ (л. 28) или меховых пальто, по большей части с шарфами на шее. Чувствовалось, что ученики довольны случившимся перерывом в уроке.

Всеконечно и я был обстрелян удивленным взором с ног до головы со стороны учащихся; не избежал и высунутого языка по моему адресу...

По окончании аудиенции, которую отец мой и Инспектор вели сто́я, мы отправились домой, а я, еще раз обернувшийся к ученикам, был награжден на прощанье великолепной гримасой, которую может создать только фантазия школьника.[a]

Дня чрез 2—3 после сего отец предложил мне одеться и, вручая письмо, вывел за ворота дома с таким напутствием: «Видишь — вон — дом почти посреди улицы, вот и отнеси это письмо учителю Захару Федорычу».

Было часа три дня; мне довелось обождать «Захара Федорыча» на кухне, пока он вернулся из училища. Когда я вышел в кухню, из-за стола в переднем ‖ (л. 28 об.) углу встали, покончив с обедом, два мальчика — квартиранты Захара Федоровича[21] (потом мы вместе учились в третьем классе; это были братья: старший Каин, младший Майорша), а два мальчика сидели на лавке с книжками в руках, но больше смотрели на остатки от обеда и в окно (это были «безобедники» из училища).

Я не заметил — кто произнес «Захар Федорыч идет»; безобедники принялись шёпотом читать свои учебники.

Произведя маленький экзамен, З[ахарий] Ф[едорович] заказал мне принести «завтра же в это же время» грифельную доску и тетрадь бумаги.

На следующий день в кухне я застаю новых, но уже трех безобедников. На сей раз долго привелось мне ждать своего учителя, как и вообще в некоторые дни недели он являлся часов в 5—6 вечера. Я и безобедники, освоившись с такими порядками, стали выходить во двор и за ворота дома. ‖

(л. 29) Частовременное запаздывание З[ахария] Ф[едорови]ча, как потом я узнал, объяснялось просто: по окончании классов он оставлял певчих (это было то же в своем роде «без обеда») и разучивал что-либо новое

[a] *далее зачеркнуто нрзб. предложение*

[21] Полянцев Захарий Федорович (1835—1903) — преподаватель Челябинского ДУ по русскому языку, церковному уставу и церковному пению с 1854 г. Кроме того, преподавал в училище и другие предметы. С 15 сентября 1873 г. — помощник смотрителя Челябинского ДУ. О нем см.: *Боже В. С.* Орлов Иван Андреевич // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 159—160.

для пения в церкви, а кроме того З[ахарий] Ф[едорович] обучал пению хор женского монастыря[22].

Покончив с обедом, З[ахарий] Ф[едорович] звал нас в комнату, где — за столом — располагались я и безобедники, а З[ахарию] Ф[едорови]чу подавали чай стакан за стаканом — штук до 10 и даже более.

Занимаясь со мною, З[ахарий] Ф[едорович] — время от времени — длинным, четверти в три, карандашом подбадривал безобедников по головам, когда кто-нибудь из них, видимо, не был занят уроком.

Я часто возвращался домой только в 10–11 и даже в 12 часов ночи, в зависимости от того, когда З[ахарий] Ф[едорович] вернется из училища или из монастыря со спевки. Покончив занятия со мною, З[ахарий] Ф[едорович] проверял затем знания безобедников. Однако я не помню, чтоб кто-либо когда-нибудь из безобедников выучивал урок; ‖ (л. 29 об.) вернувшись в свои квартиры, ученики первым долгом утоляли голод, а затем ложились спать,[a] не приготовив уроков к следующему дню и результат получался всегда один: или снова без обеда, или порка, если урок был Ивана Андреевича.

После нескольких моих запаздываний с уроков отец написал З[ахарию] Ф[едорови]чу, чтоб кончать со мною занятия на позднее 8 час[ов] вечера. Тогда и безобедники вздохнули свободней — на их обязанности, между прочим, было провожать меня до дома; эта миссия чаще всех выпадала на долю «Савраса» (Гервасий), как величал его З[ахарий] Ф[едорович].

С осени до «Петрова дня»[23] я обучался у З[ахария] Ф[едорови]ча, а с 15 августа 1865[b] г. поступил — без какого бы то ни было экзамена — в 3-й класс (или среднее отделение) Духовного училища.

До моего поступления в училище существовал еще «Пономарский класс», куда — за безуспешность — переводились ученики из 4, 3 и даже 2-го класса. Этим пономарям преподавалось церковное пение ‖ (л. 30) и устав богослужения, да еще переплетное ремесло.

***

Все безобедники, которых я встречал у З[ахария] Ф[едорови]ча, за безуспешность оставлены были в 3-м классе (из 2 и 4 класса безобедников у З[ахария] Ф[едорови]ча не было) и, следовательно, должны были просидеть в нем вместо 2-х четыре года. Каин и Майорша также застряли

[a] *далее зачеркнуто* снова; [b] *вместо зачеркнутого* 1864

[22] Имеется в виду Челябинский Одигитриевский Богородицкий женский монастырь, основанный в 1862 г. О нем подробнее см.: *Реснянский С., свящ.* История Челябинского Одигитриевского женского монастыря: дипломная работа. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2007.

[23] Имеется в виду память святых первоверховных апостолов Петра и Павла, празднуемая 29 июня по старому стилю.

в 3-м классе — один из-за греческого языка, а другой по арифметике и географии.

Каин при первом же представившемся случае, «показал Москву» мне (сзади стиснул мою голову по ушам обеими руками и, будучи ростом выше меня, приподнял от пола — получилось ощущение далеко не из приятных).

Вообще Каин был забияка и никому прохода не давал за исключением рослых учеников (у нас в 3 классе были экземпляры лет под 18), но больше всех почему-то доставалось брату его Майорше.

Однако после Пасхи 1866[a] г. Каин вернулся с кани- ‖ (л. 30 об.) кул с[b] рукой, покоящейся на лямке; оказывается, он решил обойти церковную колокольню вокруг по кирпичному снаружи карнизу и свалился, сломав предкистие левой руки. Каин не мог уже «показывать Москву» и вообще присмирел, ибо его «Ахиллесова пята» была найдена: при малейшем задире Каину грозил удар по левой руке...

***

З. Ф. Полянцев, кроме его специальности — латинского языка, преподавал еще Священную историю и Катехизис (так называемый Филаретовский, как и в Гимназиях), заменяя Смотрителя Духовного училища священника Ивана Адриановича Евсхизова[24], который и числился преподавателем этих последних двух предметов. Наш класс Евсхизов посетил только однажды. Помню, во время занятий по латинскому языку, вошел к нам священник, ростом выше среднего, худой как скелет и говорит: «Молитву!» ‖ (л. 31) Хотя молитва пред учением и была уже прочитана, но дежурный прочел её еще раз, как говорится, с толком, с расстановкой[25]; вообще молитвы пред учением и после учения мы читали с большим удовольствием, особенно пред началом каждого урока, — растягивали слова елико возможно[26]: всё же — глядишь — лишняя минута и убудет из урока; молитву же после учения, — наоборот — читали быстро. Отец Евсхизов, приказав нам сесть (ученики всегда вставали при появлении педагогов или при знакомых учителя,[c] случалось, входивших в класс; мы такими посещениями были довольны, особенно если посетитель долго засиживался за беседою с учителем). Выбрав затем Андрюшу Ильина (7-й на первой

[a] *вместо зачеркнутого* 1865; [b] *далее зачеркнуто* левой; [c] *далее зачеркнуто* что

[24] Евсхизов Иван Адрианович, священник (1821 — май 1869) — смотритель Челябинского ДУ с 1846 по 1869 гг. Окончил Казанские духовные семинарию и академию, кандидат богословия. О нем см.: *Боже В. С.* Евсхизов Иван Адрианович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 67–68. Год смерти установлен нами по воспоминаниям В. А. Протасова.

[25] Неполная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Читай не так, как по-номарь — / А с чувством, с толком, с расстановкой».

[26] «Елико возможно» (устар.) — насколько возможно.

парте по успехам; почему-то его звали монашкой)[a], Евсхизов задает ему вопрос из Катехизиса на один из членов символа веры. З[ахарий] Ф[едорович] объяснил, что «до этого еще не дошли» (дело было в Октябре). Тогда Смотритель задает вопрос уже из пройденных уроков; Ильин, ‖ (л. 31 об.) ответив по учебнику,[b] остановился, так как следующий абзац стоял в скобках, что означало «не учить».

— Ну, дальше не знаешь? Cur? (Слово «почему» Евсхизов произносил по-латыни, и за это его прозвали «Кур»).

Ильин молчит, умоляюще посматривая на З[ахария] Ф[едорови]ча. Волосы у Ильина были длинные; зачесывал он их со лба на затылок, но постоянно то правая, то левая прядь их сваливалась ему на лицо.

Только лишь было Ильин хотел поправить свалившуюся прядь волос, как Евсхизов быстро схватил ее, замотал между пальцами правой руки в кулак и принялся дергать эту прядь, ударяя средним костлявым козанком по лбу, ежесекундно повторяя: «Cur, Cur?».

Растерялся, что ли, З[ахарий] Ф[едорович], но потом указал по учебнику отмеченное скобками место, объяснив, что для учеников 3 класса и такого, дескать, ответа достаточно. Потом Евсхизов, с сильно выступившим на лицо румян- ‖ (л. 32) цем, отозвал З[ахарию] Ф[едорови]ча к столу, и он минут 10 о чем-то шепотом переговаривались, а затем Евсхизов ушел из нашего класса.

На лбу Ильина красовалось багровое пятно и шишка;[c] он объяснял нам: «Искры из глаз сыпались как „Кур“ дергал меня за волосы да козанком стучал по лбу...»

В нашем классе было 5 парт с 8—10 учащимися на каждой. З[ахарий] Ф[едорович] почему-то усадил меня вторым учеником на третьей парте.

Я прилежно учил уроки по всем предметам; по греческому языку мы уже дошли до неправильных склонений; эти склонения давались мне, как и большинству из класса, туго, ибо в тощеньком учебнике греческого языка каждое неправильное склонение не проводилось по падежам, а лишь перечислялись окончания слов в именительном падеже с указанием, что-де также склоняются[d] и такие-то существительные имена.

И вот однажды на одном из неправильных склонений я провалился; Иван Андреевич отослал меня «на колени ‖ (л. 32 об.) на парту».

Стоять на коленах на полу — полгоря, как говорится. Уместиться же на самом гребне парты не так легко. Дело в том, что на гребне парты во всю длину ее устраивались две полосы толщиною в палец и высотою около 1/3 вершка; между этими двумя полосами — одна от другой в расстоянии

[a] *далее зачеркнуто* и; [b] *далее зачеркнуты несколько слов;* [c] *далее зачеркнуты два слова;* [d] *далее зачеркнуто слово*

на 1 ½ — 2 вершка — помещались чернильницы, карандаши, ручки для перьев, чтоб все это не сваливалось на пол, или на самый пюпитр парты.

Я занял это «высокое положение» на парте, а чрез несколько минут и сосед мой справа Миролюбов — детина чуть не вдвое выше меня ростом — уместился тем же порядком рядом со мной.

Обмениваясь по этому поводу замечаниями, Миролюбов рассмеялся, что не ускользнуло от внимания «Вани Китова» (так величали мы Инспектора Орлова).

Быстро сорвавшись со стула, Орлов подлетел к нам. В момент, когда пред моим носом в воздухе ‖ (л. 33) мелькнула правая рука Ивана Андреевича, я инстинктивно отклонился назад, потерял равновесие, стукнулся затылком об сзади выдавшуюся печку, а потом, пробороздив лбом по стене, свалился на пол (скамьи у наших парт спинок не имели).

Миролюбов же от удара по щеке слетел на пол по направлению к средине класса; имеющаяся у него на левой щеке близ уха шишка более чем в половину грецкого ореха (пострадавший называл эту опухоль «могильной костью») от оплеухи треснула; из раны полилась бурого цвета жидкость, которою Орлов вымарал себе руку.

Когда мы силились занять прежнее свое положение, с которым так неожиданно только лишь расстались, Орлов сказал нам: «Садитесь, животные» — и принялся спрашивать учеников уже с другой парты.

По окончании урока Миролюбова обступили, а потом потребовали, чтоб он обо всем написал отцу, и ‖ (л. 33 об.) когда отец приехал, разъяснили, что дальнейшее пребывание (Миролюбов засиделся в 3 классе еще на 2 года) в училище бесполезно, чему много помогло еще то обстоятельство, что в день приезда отца Миролюбов — за незнание урока — получил, по приказу Орлова, 20 розг.

Когда я рассказал своему отцу о случае моем с Миролюбовым, отец, пересмотрев злополучные для меня[a] страницы тощенькой греческой грамматики, вынул из шкафа толстую — пальца в три — книгу, по которой учился еще мой дед. Это была греческая грамматика на латинском языке[27], в которой, не обращая внимания на латинский текст, мы разыскали все греческие склонения и спряжения, именуемые «неправильными».

[a] *далее зачеркнуто слово*

[27] Скорее всего, речь здесь идет о достаточно известной греческой грамматике архим. Варлаама (Лящевского), ректора Московской славяно-греко-латинской академии: Grammatica graeca sive institutionuni linguae graecae liber, utilissimis regulis ex variis auctoribus collectis usibus Rossiacae juventutis in academia kijoviensi adornatus auctore Barlaamo Lasczewski. Mosquae: Typis sanctissimae synodi, 1829. Научное описание экземпляра, хранящегося в библиотеке Екатеринбургской ДС см.: *Мангилёв П. И.* Редкие книги гражданского шрифта в библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 218.

Эта ценная находка разом облегчила всему классу изучение «неправильных» не только имен существительных, но и глаголов; каждый урок списывался учениками в так называемую «припаску» (записная ‖ (л. 34) тетрадка в 1/8 листа, куда вносились как из греческого, так и латинского языка все неизвестные ученику слова, относящиеся к заданному переводу на русский язык. Латинскую же книгу с греческими склонениями и спряжениями мы почему-то тщательно скрывали от Ивана Андреевича).

Я уже более не подвергался нападкам со стороны Орлова за незнание уроков, и только однажды мне здóрово досталось за необъяснение, что значит слово τύπτω. Спрягаю этот глагол правильно, а по-русски перевести не могу — «захлестнуло», как говорится. Орлов, чтоб навести меня на правильный ответ, начинает колотить меня кулаком по левому плечу, приговаривая за мной: «Ну, τύπτω, ну, τύπτης, ну, τύπτη[28]; а по-русски это как?»

Я молчу, а на глазах уже слезы от боли в плече.

— Да что ты, болван, чувствуеш[ь], когда я касаюсь твоего плеча?

Хорошо — думаю себе, это «касание плеча», и я от- ‖ (л. 34 об.) вечаю: «Мне больно»...

«Больно» — передразнил мой ответ Орлов. — «Больно» — значит ты страдаеш[ь] (τύπτω в русском языке означает «страдаю»).

Это внушение, при посредстве увесистого кулака Ивана Андреевича, продолжалось с четверть часа и все же не было удачным, а в заключение Орлов объявил мне, чтоб, прийдя домой, я садился за стол, но обедать не смел бы.

Помню, уселся я за стол и, как на грех, первое блюдо было самое любимое — куриный суп с мясными пирожками, а я не получаю.

Наконец отец спрашивает, отчего я не кушаю? Я ссылаюсь на головную боль; мать говорит: «Ну, так и ложись на кровать». Я, конечно, в слезы; соблазнительные пирожки вызвали чистосердечное признание — отец расхохотался и разрешил мне обедать, объявив, что в данном случае вину принимает на себя. ‖

(л. 35) Впоследствии греческая грамматика на латинском языке оказала большую подмогу моему брату-гимназисту и его товарищам, да так и не вернулась в нашу библиотеку.

Между прочим, на чердаке нашего дома я нашел объемистую рукописную тетрадь на синей бумаге, но без обложки, с заголовком «Elocuentia est ars»[29]. Тогда я, конечно, и не подозревал еще, на сколько сама по себе интересна эта библиографическая редкость, но после года пребывания в духовной семинарии, где преподавалась «Словесность» (так и класс назывался — словесники, или ри́торы), рукописной тетради моего деда

[28] Автор за давностью лет, видимо, уже забыл спряжение глаголов. Фонетически он передает верно, но графически нет; правильно должно быть: τύπτω, τύπτεις, τύπτει.

[29] Красноречие есть искусство. — *Прим. авт.*

с вышеприведенным заголовком я на чердаке не нашел. Вне всякого сомнения, племянники мои, увидев на неведомом им языке рукопись, сочли её «ненужной» и употребили на змейки — тем более что бумага была крепкая, подходящая.

***

Пред Рождеством, Масляницей и Пасхою у нас полагались так называемые репетиции — маленький экзамен из пройденного по всем предметам. ‖

(л. 35 об.) Из опасения ли за мои успехи или просто ради человеколюбия, — отец взял для меня репетитора — «круглого сироту», который и поселился в нашем доме, потому что его тетка — сельская просфорня, имея на руках еще сестру моего репетитора и получая жалованья от церкви что-то вроде 2 1/2 рублей в месяц (да дрова), конечно, не в состоянии была платить за квартиру и стол моего репетитора (1-й в классе ученик, — впоследствии присяжный поверенный в г. Троицке Николай Венедиктович Левашев).

Почему я с третьей парты переселился на первую и сидел вторым учеником — я не знаю; предполагаю, что это устроил мой репетитор; во всяком случае, — по успехам я этого не заслуживал.

С помощию греческой грамматики на латинском языке я больше уже не подвергался рукоприкладству Ивана Андреевича, а чрез месяц после переселения на первую парту Инспектор назначил меня аудитором «камчадалов» (ученики последней парты в классе), хотя обы- ‖ (л. 36) кновенно эта обязанность возлагалась на учеников первого пятка.

Разумеется, на первый раз аудиторство польстило мне[a], но вскоре же я и разочаровался в представлении мне такого почетного звания.

Суть вот в чем. Аудитор, до прихода в класс Ивана Андреевича, должен удостовериться, знают ли его ученики урок, и в списке, положенном на стол, полагалось делать отметку S или N (т. е. Sciens или Non Sciens — «знает», «не знает» урок).

Так как у меня были всё камчадалы, из коих редко-редко кто знал урок, то и приходилось всем ставить N, а это влекло за собою перспективу встать тотчас после звонка, извещающего о прибытии учителя, на колени среди класса. Ученик, с отметкою S, оставался за партой, и если Орлову вздумается проверить его знание, а на деле окажется, что аудитор дал неверную отметку, — то ему, аудитору, подчас доставалось хуже, чем не знающему урок. ‖

(л. 36 об.) Подвергшихся стоянию на коленях иной раз скапливалось до 20, и всем им, смотря по настроению Орлова, грозило отправиться к «печке», т. е. получить 20 розог или только отстоять во время урока на коленях.

[a] *вместо зачеркнутого* меня

Палачом у нас был сторож-поляк, которого мы боялись не меньше самого Орлова. Высокий, свирепый на вид, сторож имел всегда запас розог, хранившихся нарочито в бочке с водою. Пучки этих розог — длинных-длинных — тщательно, в трех местах перевязанных скрученною мочалкой, я — как это ни противно — назвал бы красивыми. Наш палач наносил удары розгою артистически, немилосердно. По счастию, сторож-поляк в своем почетном звании пробыл при нас не более 1 1/2 — 2-х лет; его заменил старик, наотрез отказавшийся от роли палача.

На эту почтенную обязанность Инспектор назначил последнего с четвертой парты нашего товарища «Кольку Стрелецкого», который мало чем уступал замашкам Каина, а потом — после поранения Каином левой руки — и прев- ‖ (л. 37) зошедшего его в издевательствах над более слабыми физически. Стрелецкий был экзекутором Орлова и в 4 классе. Хотя он это и скрывал, но мы скоро — совершенно случайно — уличили его во лжи. Во-1-х, с конца четвертой парты С[трелец]кий переселился на третью последним, чтоб быть ближе к дверям, которые из нашего класса вели в четвертый, а затем уже в корридор; входя в свой класс, нам нельзя было миновать 4-й, и потому с окончанием урока и выходом учителя мы принуждены были оставаться в своем классе, если в 4-м занимался Орлов, — боялись.

После переселения С[трелецко]го на третью парту в нашу дверь раздавался легкий стук, когда в 4-м занимался Орлов; Стрелецкий выходил на стук и долгонько не возвращался. На наши запросы С[треле]цкий говорил: «Наш дьячок (или церковный сторож) письмо мне привез».

Сначала было верили мы С[трелец]кому, но совпадение таких вызовов, и именно в часы занятий Орлова в 4-м классе, усиливало наше подозрение. ‖ (л. 37 об.) Однажды, после урока по географии, учитель Татищев[30], как это обыкновенно и случалось, быстро поднялся с места к двери, и мы за ним.

Глазам тех, кто успел прорваться за Татищевым (остальных Орлов вернул окриком: «В класс, животные!»), представилась такая картина: за печкою оправляется — после экзекуции ученик Владыкин (еженедельно брился, но усы оставлял; ему было лет под 20), а на полу валяются три кучки разных волос — это Орлов расправлялся с Инфантьевым, 4-м учеником по успехам.

Инфантьев носил длинные — почти до плеч — волосы; ростом был немного разве пониже Орлова и вообще здоровенный парень, мог бы дать сдачи Инспектору, а тут стоял, как очумелый, с копной перепутанных волос на голове, а Орлов, отходя от него, освобождал свои лапы от запутавшихся

[30] Татищев Владимир Михайлович (1843–1896) — преподаватель арифметики и географии в Челябинском ДУ с 1866 г. Выпуск Уфимских ДУ и ДС. О нем см.: *Боже В. С.* Татищев Владимир Михайлович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 195.

в них волос Инфантьева. ‖ (л. 38) Возможно, что мы помешали дальнейшему упражнению Орлова над шевелюрой Инфантьева.

Не всегда, конечно, Орлов был таким зверем; иной раз он был благодушно настроен, но это случалось с ним редко.

Однажды Иван Андреевич заявился к нам в класс с только лишь полученным орденом Станислава; после обычной молитвы пред уроком говорит нам: «Вот, ребятушки, за вас награду получил, — старайтесь учиться хорошенько», и почти целый час проболтал с нами о разных пустяках и даже объяснил, почему он не стреляет сидячую птицу, а бьет ее только на лету. — «Ведь жалко, ребятушки, бить её, когда она плавает и наслаждается жизнию. Я всегда предупреждаю об опасности: брошу камешком или хлопну в ладоши, она и вспорхнет; тогда уж я и убиваю её».

Такой предупредительный по отношению к пернатым, Орлов поступал с нами совершенно иначе. ‖

(л. 38 об.) В ясный, теплый день в конце Апреля 1866 г., после обеда — часа в 4 дня, — я и отец мой разбивали в садике клумбу для цветов. Из-за забора нашего садика послышались редкие, но тяжелые вздохи и тихий людской говор.

Отец отправился узнать, в чем дело; разумеется, и я за ним пошел.

На тротуаре близ нашего забора на циновке лежал — как оказалось — ученик 4-го класса Лебединский, а четыре его товарища отдыхали от тяжкой ноши.

Из рас[с]просов отца выяснилось, что Лебединский — кстати сказать, племянник Орлова — болен горячкою, но Иван Андреевич не верил этому и приказал соквартирантам привести больного в училище.

Отец сказал, что сейчас же распорядится запрячь лошадь и сам отвезет больного, но ученики наотрез отказались от такой услуги ‖ (л. 39) и, подняв циновку с больным, понесли его в училище, а отец крикнул им вслед: «Я сейчас же вслед за вами прийду поговорить с Орловым». Пока отец одевался, к нему пришел кто-то и, таким образом, поневоле задержался минут на 20, а когда прибыл в училище, — Орлов уже уехал к себе на квартиру после того, как поляк сторож безжалостно отпустил больному 80 розог «на воздусях»...

Такому же наказанию, в Правлении, и также 80 ударам розог «на воздусях» от руки бесчеловечного поляка подвергся[a] Каин (Феодор Образцов), но за что — нам он отказался поведать.

Из нашего класса наказанию розгами не подвергались только я, Сементовский и Образцов-Волков (4-й и 7 ученики по успехам). 1-й ученик Левашев и 6-й Анатолий Шмотин получили в Правлении (уже от Стрелецкого)

[a] *далее зачеркнуто* Федька

по одной розге. Левашев как-то нацепил на свой сюртук эполеты, медали и кресты из золо- (л. 39 об.) ченой бумаги и расхаживал по классу во время перемены — здесь его и накрыл Орлов, за чем-то неожиданно вошедший в нам в класс. Шмотин на обложке своей книги очень удачно нарисовал Орлова с подписью внизу «Ваня Китов». Во время урока показал[a] свою работу Андрею Ильину, который не мог удержаться от смеха и довольно откровенно фыркнул, — Орлов всё это заметил и, отобрав у Шмотина книгу, сказал: «После класса зайдешь за ней в Правление».

Когда кончился урок, Орлов, проходя мимо Стрелецкого, сказал ему: «В Правление!»

2-й ученик Гордеев также подвергся наказанию розгами, но после первого удара соскочил и заявил Орлову: «Хоть исключайте, а больше не дамся».

Словом, все — а нас было около 50 — получили из перворазрядных по 5, 6, 10 розог, а остальные по 20 (это было что-то вроде нормы) розог, и притом большинство по несколько раз. ‖

(л. 40) Один только из нашего класса безмолвно переносил наказание розгами — это брат Андрея Ильина — Иван; он никогда не молил о прощении, как это обыкновенно делали другие пред наказанием розгами, а преспокойно ложился на пол и молча переносил положенную порцию розог.

Однажды, после порки, кто-то задал Ильину вопрос: «Как это ты, Ванька, терпишь? Ведь больно?».

— Что-ж, что больно, а терплю; вот закушу зубами рубашку вместе с телом — хоть 100, хоть 300 розог, а я не пикну.

Помнится, Мишка Белов — пухленький мальчонко, вздумал было применить систему Вани Ильина, но — после третьего удара розгой — завопил во всю глотку.

Бывало, после этого, когда Белов не знает урока из греческого языка, по каковому случаю предстояло стояние на коленях, а то и порка, его спра- ‖ (л. 40 об.) шивали: «А что, Мишка, сегодня закусишь рубашку вместе с кожей?!»

— Нет, ребята, буду орать во всё горло; орешь, так будто легче становится.

***

Александр Гордеев — по кличке Робинзон — говорил очень быстро, из нашего класса он больше всех занимался чтением книг из[b] библиотеки; иной раз его даже наказывал Захар Федорович, когда Гордеев не особенно удовлетворительно отвечал урок, а наказание это состояло в том, что З[ахар] Ф[едорович], заведуя библиотекой, лишал Гордеева права на неделю, на две, а иногда и на месяц получать книги для чтения.

[a] *написано вместо зачеркнутого нрзб. слова;* [b] *далее зачеркнуто* нашей

Но Гордеев всё же читал книги, полученные его соквартирантами; до чего была сильна страсть к чтению у Гордеева — рассказывали товарищи: «Если читаешь лежа, — Гордеев как-нибудь да примостится к тебе и ждет, пока перевернешь страницу; иной раз нарочно перевернешься на другой бок вместе с книгой, — читать Гордееву неудобно, а он всё-таки пристроится, имея терпение перенести ‖ (л. 41) всякого рода неудобства; пожалеешь его и примешь более удобное для него положение; если же товарищи получали книги, которые Гордеев уже читал, — он буквально мучился и — случалось — уходил к кому-нибудь из товарищей и там читал. Читал Гордеев, как, впрочем, и все мы, без разбора всё, чем бы ни снабжал нас З[ахар] Ф[едорович].

Я позволю себе остановиться на личности Гордеева, как одного из первых учеников нашего класса; второго по успехам он добился, конечно, не долбежкой уроков, а благодаря незаурядным способностям; если у Гордеева были отличные отметки по всем предметам, то прилежание — в наших аттестатах и это отмечалось! — было только очень хорошее, но такая отметка давалась лишь ради снисхождения к нему.

Казалось бы, в Семинарии Гордеев и должен был удовлетворить свою страсть к литературе вообще, ибо к услугам семинаристов в Уфе была богатая книгами и общедоступная в то же время библиотека Лейнерт, но вышло иначе. ‖

(л. 41 об.) Отмененные было для поступления в Семинарию экзамены нашему курсу, по окончании духовного училища, нам привелось держать; конкурентами нам, Челябинцам, были ученики Оренбургского и Уфимского училищ, да еще ученик из Бугульминского — Самарской губернии — училища.

Из этих четырех училищ Гордеев, окончивши вторым, в Семинарию был принят — кажется — седьмым, а 1-й Левашев вторым, тогда как — по рассказам — первым учеником в Семинарию всегда поступал Челябинец.

Многих из нас, после ежовых рукавиц училища, сгубила свобода не посещать классы; манкирование уроками на языке семинаристов называлось «трубить».

— Ты что не идешь в класс — бывало, спросишь (или тебя спросят) кого-либо, а он ответит: «Мы с Петровым сегодня уговорились „трубить“».

Не манкировали мы только классом препода- (л. 42) вателя словесности, всеми нами любимого Мартирия Михайловича Агишева[31];

[31] Агишев Мартирий Михайлович — после окончания Казанской ДА в 1864 г. со степенью кандидата богословия был распределен в направившую его Уфимскую ДС преподавателем церковной истории. Уже в 1866 г. перемещен на должность преподавателя педагогики (Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 8. Д. 30290). В начале 1870-х гг. преподавал словесность. После ухода с духовно-училищной службы стал секретарем акцизных управлений Уфимской и Оренбургской губерний. Умер после революции 1917 г.

из 75 учеников нашего класса разве тот только не бывал на его уроках, кто был болен.

Кроме Агишева, интересных преподавателей у нас не было. Из латинского языка мы переводили басни Лафонтена[a, 32] — все их, кажется 78, мы перевели еще в Челябинске и даже некоторые из них знали наизуст[ь]. После басен, в Челябинске, в 4 классе, мы принялись — помнится — за Тита[b, 33] Ливия, а из греческого — за Ксенофонта[34].

Преподаватель алгебры В. Е. Касимовский[35], с которым часто вступал в полемику товарищ из Оренбургского училища Мартов, вскоре тяжко заболел; его заместителем был преподаватель логики (в философском классе) некто Херувимов[36], который с первого же посещения чистосердечно и признался, что он не математик, и принялся нам читать историю алгебры, из которой у меня в памяти только и сохранилось, что по-арабски алгебра называлась «Ил алжебр ал макабала». ‖

(л. 42 об.) С такими познаниями на второй год — по выздоровлении Касимовского — мы приступили к изучению геометрии...

Лучшие ученики, интересуясь математикой, продолжали ею заниматься по учебнику без всякого содействия г[осподи]на Херувимова, но — например для меня — на второй год грозила перспектива остаться еще на два года — это было тяжело. Всё же я договорился с соквартирантом, хорошим математиком, заниматься со мною за 3 р[убля] в месяц одновременно по алгебре и геометрии, но после 1 ½ — 2 месяцев убедился, что это бесполезно.

---

[a] *над строкой карандашом написано* Эзопа? [b] *над этим именем карандашом написано* неужели?

[32] В этом фрагменте есть действительно некоторая проблема. Басни Эзопа — памятник древнегреческой литературы, а баснописец Жан де Лафонтен (1621–1695) переложил их в стихах на французский язык и в 1668 г. выпустил соответствующий сборник.

[33] Вероятно, читатель воспоминаний усомнился в способности учащихся 4-го класса училища прочесть на латинском языке «Историю от основания города» Тита Ливия.

[34] Ксенофонт (ок. 430 — не ранее 356) — древнегреческий писатель и историк, автор целого ряда сочинений. Вероятно, в рамках занятий греческим языком учащиеся духовного училища начали читать историческое сочинение Ксенофонта «Анабасис».

[35] Касимовский Василий Евсигниевич (1832–1902) — преподаватель математических наук в Уфимской ДС с 1857 по 1882 г. Окончил Уфимскую ДС и Казанскую ДА со степенью кандидата богословия. О нем см.: *К. Х.* Василий Евсигниевич Касимовский (некролог) // Уфимские ЕВ. 1902. № 24. Отд. неоф. С. 1627–1631.

[36] Херувимов Константин Петрович — преподаватель церковной и гражданской истории в Уфимской ДС. Выпускник Самарской ДС и Казанской ДА, которую окончил в 1870 г. со степень кандидата богословия. О нем см.: Наличный состав лиц служащих в духовно-учебных заведениях Уфимской епархии с краткими биографическими о каждом из них сведениями // Уфимские ЕВ. 1899. № 16. Прибавления. С. 153–154; Государственный архив Пермского края. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 2415 (Херувимов Константин Петрович, преподаватель духовной семинарии в г. Уфе).

К тому же и преподаватель словесности Агишев, получавший всего 700 р[ублей] в год[a, 37], по настоянию своей супруги[38] «бросить эту нищенскую службу», перешел в Акцизное ведомство; его заместитель — фамилии не помню — отменил лекционную систему Агишева, преподнес нам учебник Стоюнина[39] и задавал уроки «от сих до сих».[b] ‖

(л. 43) В журнале «Русское богатство» за Май месяц 1903 г. рецензент «Педагогических сочинений В. Я. Стоюнина» говорит о воспитательных задачах школы, определяющих дух преподавания[40]. Стоюнин, между прочим, писал: «...чем больше разных кодексов [для нее] составляли в канцеляриях в интересах нравственных, тем более эти интересы страдали в ней <...> Законы, вносимые в школу государством вследствие какого-нибудь временного его политического настроения, часто противоречат педагогическим требованиям, основанным на вечных естественных законах, которыми только и может держаться настоящая школа. И конечно, последние должны уступать первым как силе, отчего и происходит деморализация как педагогического персонала, так и учащихся»[41].

Из всех 75 учеников разве только по болезни кто-нибудь не посещал классы Агишева, — не то получилось при его заместителе: после двух-трех уроков многие стали манкировать, а затем в первую же треть один за ‖ (л. 43 об.) другим начали переходить в другие учебные заведения или поступать на службу. Очевидно, заместитель Агишева не сумел заинтересовать своим преподаванием по учебнику Стоюнина.

В числе манкирующих не только классами словесности, но вообще был и Гордеев. Как-то встречаю его с папкою бумаг под мышкой; спрашиваю, что это за бумаги?

— Да тут одна... ноты просила переписать, — вот и несу...

В нотах Гордеев ни бельмеса не понимал, да и каллиграфически писал скверно.

Я и товарищ мой решили перейти в Казанскую учительскую семинарию, заочно были приняты, но мне-то не удалось туда поступить; отец хотел

---

[a] *на левом поле к этому предложению карандашом написано* 50 р. — оклад учителя шк[олы] 2 ст[упени]; [b] *далее зачеркнута строка*

[37] Вероятно, это сделано, чтобы подчеркнуть, что жалованье было не таким уж и плохим.

[38] Агишева Анна Ивановна (см.: Анна Николаевна Лапина (Некролог) // Уфимские ЕВ. 1890. № 15. Отд. неоф. С. 613, прим. 1).

[39] Вероятно, имеется в виду учебник: *Стоюнин В. Я.* Руководство для теоретического изучения литературы по лучшим образцам русским и иностранным. СПб., 1869.

[40] Библиографическую заметку о книге В. Я. Стоюнина см.: Новые книги: В. Я. Стоюнин. Педагогические сочинения. Второе издание. Спб., 1903 // Русское богатство. 1903. № 5. С. 80–82.

[41] *Стоюнин В. Я.* Заметки о русской школе // Его же. Избранные педагогические сочинения / сост. Г. Г. Савенок. М., 1991. С. 175.

отправить меня в Екатеринбург в только лишь открывшееся тогда Реальное училище[42], но выписанная[a] программа была для меня непосильной: во-1-х, потому ‖ (л. 44а) что с алгеброй и геометрией я так опрометчиво поступил в Семинарии, а во-вторых надо было подготовиться еще по французскому и немецкому языкам, которые и преподавались у нас, но не были обязательными. Кончилось тем, что по совету простодушного врача ‖ (л. 44а об.) Вятковского[43], отец устроил меня на службу… в полицейское управление, вручив мою судьбу, правда, честному, гуманному Исправнику Рогожникову, который пользовался общим уважением, как в городе, так и в уезде. ‖

(л. 43 об.) Лучшим по успехам товарищам я не завидовал, — наоборот, гордился ими.

Представьте себе, что чрез 2–3 года по выходе мо- ‖ (л. 44) ем из Семинарии, в Челябинске встречаю тощенькую фигурку в так называемом подряснике, с жиденькими — до плеч волосенками, Александра Гордеева.

— Робинзон, это ты?

Гордеев как будто и обрадовался, и в тоже время сконфузился.

Оказалось, что он приехал просить преосвященного посв[я]тить его во диакона[44]. Еще чрез 2–3 года, в одном из сел Челябинского уезда (кажется, в «Сладких Карасях»[45]), я встретился с Гордеевым.

---

[a] *этот фрагмент предложения после точки с запятой написан над двумя зачеркнутыми строками*

[42] Екатеринбургское Алексеевское реальное училище было открыто летом 1873 г. (*Кашаева Ю. А., Нечаев М. Г., Яковлева В. В.* Среднее образование в Пермской губернии в его историческом развитии // Образование в Пермской губернии XIX — начала XX в. Из истории средних учебных заведений: сб. док. Пермь, 2019. С. 27).

[43] Вятковский Андрей Александрович — с 17 октября 1866 г. был врачом Челябинского ДУ. Подробнее о нем см.: *Боже В. С.* Вятковский Андрей Александрович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 51. Отказался от службы в духовном училище в 1877 г. (см.: В Челябинский Духовно-училищный окружной съезд членов училищного Правления от духовенства священников Капитона Протасова и Иоанна Кулыгинского доклад (окончание) // Оренбургские ЕВ. 1878. № 17. Отд. оф. С. 571).

[44] 1 января 1877 г. «исполняющий должность псаломщика» Александр Гордеев был посвящен в стихарь (Движение по епархиальной службе // Оренбургские ЕВ. 1877. № 3. С. 96).

[45] Ныне деревня Сладкокарасинское в Мишкинском муниципальном округе Курганской области. До революции в ней находилась единоверческая Спасская церковь (в честь Спаса Нерукотворного Образа), в настоящее время не действует. В этом храме настоятелем был благочинный единоверческих церквей священник Николай Гордеев — по-видимому, родственник (или отец?) А. Гордеева (Журналы Челябинского Окружного Духовно-училищного Съезда. 1877 года мая 19 дня // Оренбургские ЕВ. 1877. № 14. Отд. оф. С. 483). В материалах «Оренбургских ЕВ» упоминается священник с. Красноярского Александр Николаевич Гордеев, перемещенный 17 октября 1880 г. настоятелем Иоанно-Предтеченской церкви в с. Шаламово (Движение по епархиальной службе // Оренбургские ЕВ. 1880. № 22. Отд. оф. С. 865; *Г.* Село Шаламово Челябинского уезда // Оренбургские ЕВ. 1898. № 16. Ч. неоф. С. 603). Умер о. Александр 25 июня 1906 г. (Сведения по епархии // Оренбургские ЕВ. 1906. № 15–16. Ч. оф. С. 284).

Приезжая в то или другое село, я обыкновенно справлялся о духовных в расчете повидать товарища по школе. Оказалось, дьячком служит Гордеев Александр; посылаю за ним — приходит всё такой же, жалкий на вид.

Еле-еле усадил его за чайный стол; предлагаю папирос — взял, предварительно убедившись, что кроме нас в комнате никого нет. ‖ (л. 44 об.) Но, закуривши, отскочил к печке, открыл в ней форточку (так называемый душник) и пускает туда дым.

— Да что ты это делаешь?

«Видишь ли, здесь приход старообрядческий[46] и я при прихожанах не курю; дома всё в форточку курю, — так уже и привык».

На церкви ударили в колокол к «вечерне» и Гордеев от меня сбежал с словами: «Ну, брат, мне надо идти». Больше мы с ним уже не встречались.

И вот, еще в третьем классе, из-за Гордеева мне, только по какой-то случайности, «не влетело» — как мы выражались — от Орлова.

Левашева почему-то не было в классе и, таким образом, за партой сидел я первым. Гордеева вызвал Орлов отвечать урок.

Торопыга на словах, Гордеев — в одном случае[a] сбился чрез какое «и» пишется переведенное им слово. Скажет «епсилон иот», Орлов закричит: «Врешь, ‖ (л. 45) животное!» Скажет «омикрон иот», Орлов орет: «Да што ты, анафема».

Гордеев снова говорит «епсилон иот» (в гимназиях «иот» произносят[b] иначе, по-новогречески «ёт»).

Орлов, сидя за столом, запустил обе руки в свою кудрявую шевелюру, а я отодвинулся на самый конец парты и в воздухе рисую третье «и», а губами изображаю «ита».

Гордеев долго не мог понять меня, наконец, сказал: «Здесь пишется ита».

По-моему Орлов не должен был видеть, что я проделывал губами и рукой в воздухе, но обернулся ко мне и гневно, с разбегающимися в разные стороны глазами, сказал: «Я тебе, анафема, такую сейчас иту пропишу — будешь помнить». По счастию, загремел звонок, Орлов поднялся и вышел из класса, а я всё еще ждал, что Коля Стрелецкий пригласит меня в Правление, а там уже дело известное, что последует... ‖

(л. 45 об.) Обыкновенно накануне 1 Мая к нам и во второй класс заходили четвертоклассники уговориться относительно отправки к Орлову делегатов с просьбою дать рекреацию, т. е. не заниматься; в делегаты

[a] *написано вместо зачеркнутого слова;* [b] *написано вместо зачеркнутого слова*

[46] Об этой церкви см.: *Сухина Е. Н.* Спасская церковь села Сладкие Караси — первая единоверческая церковь Челябинского уезда (по документам первой половины XIX века Госархива Челябинской области) // Православие на Урале: исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры: мат-лы симпозиума с междунар. уч.: V Славянский научн. собор «Урал в диалоге культур»: в 2 ч. Челябинск, 2007. Ч. 1. С. 229–236.

выбирались из 2 и 3-го класса самые маленькие, но — по возможности — из лучших учеников.

Майский рекреационный день всегда нам разрешался, но Орлов почему-то переносил его на 11, 12 или 13-е Мая.

Потом уже мы узнали, в чём дело. Рекреация давалась под условием, чтоб каждый из учащихся, не исключая и четвертоклассников, представил в этот день стакан березовой почки.

А так как в те годы к 1-му Мая березовая почка распускалась плохо, то в этом и заключался секрет перенесения Майской рекреации на после 10-го Мая.

Инспектор, как оказалось, наделял собранною нами почкой учителей, а большую часть продавал аптекарю...

***

В конце Апреля нас — после первого урока — погнали в Троицкую цер- ‖ (л. 46) ковь молиться о здравии болящего Священно-иерея Иоанна (Евсхизова — Смотрителя училища), а в Мае мы уже молились утром и вечером, два дня в доме его, а потом в церкви об упокоении его.

При отпевании Евсхизова говорили речи все учителя, но особенно отличился учитель 2 класса Родосский[47]. Он заблаговременно наказал первым трем ученикам каждого класса подойти ближе ко гробу, когда он, Родосский, начнет свою речь.

Превознеся Евсхизова как преподавателя, как священнослужителя и как человека превыше всех, Родосский обращается в конце концов к стоявшим близ гроба ученикам: «А вы, о которых покойный так отечески заботился, проповедуя смирение и любовь к начальству, ослушались, плохо учились и т. д. Перекреститесь, сделайте земной поклон и мысленно испросите прощение у усопшего».

Третьеклассники и четвертоклассники то бледнели, то краснели, кусая губы от негодования, а второклассники, у которых Евсхизов никогда не бывал, ударились в слезы — ‖ (л. 46 об.) так растрогал их г[осподин] Родосский, впоследствии сам Священник.

***

Мне кажется, нельзя обойти молчанием самое расположение помещения Духовного училища, которое и до сих пор как-то уныло выглядывает своими пятью окнами в 8 переплетов на улицу Цвил[л]инга. На громадной

[47] Родосский Николай Никандрович (1846–1919) — учитель низшего отделения Челябинского ДУ с августа 1868 г. Преподавал в училище различные предметы до 1906 г. В 1874 г. был рукоположен во священника, с мая 1906 г. — протоиерей. Подробнее о нем см.: *Боже В. С.* Родосский Николай Никандрович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 175–176.

усадьбе училища, кроме этого белого 5-оконного здания, никаких других построек в 60-х годах не было; ограда была деревянная; я застал еще следы посадки против каждого столба забора деревьев, но из ямок — и то только местами — торчали уже погнившие стволы деревцев в высоту не более 1/4 арш[ина]; коры на них уже не было.

Посредине[a] здания между Правлением и помещением для сторожа и 2-м классом был корридор от входа со двора[b] до 4 класса, а из[c] последнего уже дверь в 3-й класс.

Когда мы перешли в 4 класс, во время каникул среднее, третье в 4 классе, окно отгородили для библиотеки (раньше помещалась она в Правлении) и, таким образом, в третий класс не нужно было проходить чрез 4-й; кроме ‖ (л. 47) библиотеки получилась еще маленькая комнатка, как продолжение корридора, однополотнянная дверь в который, однако, осталась.

Как видите, ни раздевальной комнаты, ни уборной у нас не было, а роль последней выполнял деревянный — вершка в 3 толщиною — сруб без крыши, потолка и пола; в срубе было вырублено место для двери и двух окон. Это универсальное здание от входного крыльца в училище находилось саженях в полуторастах, а может быть, и более.

***

К обедням мы ходили в Соборный храм, а всенощные служили в 4 классе.

Как-то после воскресенья приходим в класс — на столе лежит Евангелие и узел с церковным одеянием, кадилом и свечными огарками.

Кто-то из четвертоклас[с]ников обрядился — один в священническое одеяние, другой в дьяконское; разумеется, получился хохот, а потом решили обвенчать свадьбу. У жены сторожа выпросили платье, а невеста уже ‖ (л. 47 об.) выбрана; собрались все, не исключая второклассников. Разумеется, хор певчих встал на свое место; венцы для брачущихся кто-то изготовил из бумаги, и началось венчание; выполнялось все, что полагается, и даже ковшик с водой (вместо красного вина) был припасен.

Дошли уже до «Положил еси на главах их венцы»[48], как сзади раздается: «Тэк-с» — это Захар Федорович нас накрыл; все три класса были оставлены в этот день без обеда, сторож получил нагоняй за то, что не прибрал в Правление узла с церковным одеянием, и этим всё дело кончилось.

***

[a] *написано над строкой вместо зачеркнутого слова;* [b] *далее зачеркнуты два слова;* [c] *далее зачеркнуто слово*

[48] Прокимен таинства Брака, исполняемый перед чтением Апостола.

Захарий Федорович Полянцев приглашен был регентом в Соборный храм; всенощные в училище прекратились, и мы стали ходить на богослужения в Собор[49].

Я был певчим и пел по слуху, ибо ни одной ноты не знал, но Захар Федорович этим не смущался, очевидно, предпола[га]я, что ноты я знаю. Я пел soprano и солис- ‖ (л. 48) тами у нас были «Ваничка» Соколинский да двоюродный брат моего отца Порфирий Протасов. У Соколинского в 4-м классе голос спал, у Порфирия дело клонилось к тому же; кроме меня soprano пели еще двое, также не знавших нот, но голосили только в простом пении, а в «партесном» должны были молчать.

Однажды Порфирий к обедне по болезни не пришел, а З[аха]ру Ф[едорови]чу во что бы то ни стало захотелось разучить запричастное Турчанинова[50] «Чашу спасения приму и имя Господне призову». Пьеса трудная, с диезами, бемолями и т[ому] п[одобными] украшениями творчества вышепомянутого автора. Так как эту самую «Чашу» мне приходится испить одному[51], и тем более в первый раз, — З[ахарий] Ф[едорович] продемонстрировал её трижды сначала на скрипке, а потом начали петь хором. Где я приостанавли[ва]лся, боясь соврать, З[ахарий] Ф[едорович] подтягивал на скрипке; несколько раз пропели — я уже правильно пел.

Перестали в колокол звонить — идет, значит, чтение «часов», а мы все еще поём одно и то же. ‖

(л. 48 об.) Приходит дьячок и говорит: «„Часы“ читать кончают; отец Александр просил сегодня не тянуть — ему что-то нездоровится».

Хор ушел, а З[ахарий] Ф[едорович] меня еще оставил[a] «Чашу спасения принимать». Пел я правильно, но З[ахарий] Ф[едорович] пред каждым диезом колотил меня по левому плечу кулаком. Не знаю сколько раз мы пропели; я уже не видел и нот — глаза[b] от боли в плече заволоклись слезами, а мы всё поем...

Вновь является дьячок и говорит: «Служба уже началась» и снова передает распоряжение отца «не тянуть» (а привычка эта водилась за З[ахарие]м Ф[едорови]чем. Прежде чем начать петь, он долго задает тон каждому голосу по несколько раз и вообще растягивал пение ради выразительности, что ли, уже и сказать не умею).

[a] *далее зачеркнуто написанное над строкой* меня; [b] *далее зачеркнуто* покрылись

[49] Соборный храм Челябинска был освящен в честь Рождества Христова. В 1932 г. уничтожен.

[50] Турчанинов Петр Иванович, протоиерей (1779–1856) — духовный композитор, регент, учитель пения в Придворной капелле. См. о нем: Протоиерей Петр Иванович Турчанинов: [Автобиография]. СПб., 1863.

[51] Фразеологизм «Испить чашу до дна».

«Чашу спасения» я спел правильно без предупреждения кулаком о диезах...

За чаем отец спрашивает: «Ты сегодня пел ‖ (л. 49) запричастное? Порфирия ведь не было» (он — сирота жил у нас).

Вместо ответа я расплакался.

— Отчего ты плачешь? Ведь спел ты хорошо (отец в свое время был солистом архиерейского хора).

Я рассказал всю историю с «Чашей спасения», после чего отец не велел ходить на спевки и петь на хорах, а становиться в «рядах» вместе с учениками.

В первую же церковную службу З[ахарий] Ф[едорович] посылает за мною, узнав, что я стою в «рядах» — я не иду; в следующий раз повторяется та же история. После обедни заявляется к нам З[ахарий] Ф[едорович]; обыкновенно гостей принимали в зале, куда и подавался чай (или закуска, смотря по времени).

— А где же Васенька, — задает З[ахарий] Ф[едорович] вопрос отцу.

«В столовой, чай пьет» — ответил отец.

З[ахарий] Ф[едорович] заявляется в столовую и кладет на стол передо мною какой-то сверток, говоря: «Вот это тебе, Васенька, жалованье, как певчему». ‖ (л. 49 об.) При последних словах я рукою швырнул сверток со стола; по полу рассыпались медяки и этот шум привлек отца в столовую.

Узнав, в чём дело, отец заставил меня подобрать деньги, снова завернул их в бумажку и, передавая их З[аха]ру Ф[едоров]чу, увел его в зал, где и прочел нашему регенту надлежащее замечание.

После сего отец разрешил мне снова ходить на спевки и петь в церкви...

***

В четвертом классе некоторые из нас, а в том числе и я, уже курили.

В одну из перемен, я, Владыкин и еще кто-то третий (фамилии не помню) переговариваемся «пойти покурить до звонка». Санька Сементовский не пускает нас; началась обычная возня; я вырвался первый и, что называется, сломя голову бросился бежать вон из класса. Оттолкнув руками тяжелую однополотнянную дверь в корридор и, не видя Орлова, протянувшего правую руку ко звонку, ударил ‖ (л. 50) его обеими руками по животу, очевидно, очень сильно, потому что Орлов издал звук «ок».

Проговорив «стой, животное», Орлов отбил звонок и обеими руками вцепился в мои — тогда давно не стриженные — волосы. Я, как язык у колокольчика, болтался ногами, задевая каблуками то правую, то левую стену корридора. Было похоже на то, когда прачки на реке полощут тяжелое белье — как,[a] например, половики и т. п.

[a] *далее зачеркнуты 4 слова*

Сколько времени продолжалась эта потасовка — я не знаю, но меня выручил мчавшийся за мною Владыкин, за которого, бросив меня, и уцепился Иван Андреевич. Владыкин был лет 19, повыше меня ростом и крепкого телосложения, в силу чего болтать им, как языком колокольчика, Орлову было не под силу и он просто возил его по полу из стороны в сторону.

Я, конечно, тотчас же удрал в класс и своим растрепанным видом предупредил третьего курильщика, которого еще крепко держал в своих руках ‖ (л. 50 об.) Сементовский — тем более, что после звонка из класса выходить не полагалось.

Наказание розгами, пощечины и удары кулаком по голове, коленопреклонение (только не на гребешке парты) — всё это продолжалось, но уже не в той степени, как в третьем классе.

Аудиторство было отменено, а вместо него нескольким из нас, а в том числе и мне, поручено было наблюдать за учащимися в их квартирах, и каждое посещение отмечалось в квартирной книге; мы назывались «старшими»; в книге делалась отметка: чем занимались ученики, кому объяснялся урок, из какого предмета; все ли ученики, в момент посещения «старшими», были на квартире и т. п. Конечно, это была одна формальность; «квартирные книги» инспекцией не просматривались (по крайней мере, заведуемые мною квартиры никто из учителей ни раза не посетил). ‖

(л. 51) В Августе 1867 г., пред окончанием последнего урока, З[ахарий] Ф[едорович] распорядился, чтобы все мы, т. е. все три класса, — после обеда — пришли в училище.

Оказалось, что мы должны перенести из дома Долгрейн (на углу Большой — ныне Цвиллинга — улицы против бывшего 4-хкласс[ного] гор[одского] училища) в наше[a] училище пожертвованную вдовой покойного Долгрейна библиотеку.

Зах[арий] Федорович, заведуя библиотекой, сумел привлечь местную публику, установив для абонентов 12[-ти]рублевый годовой взнос и, таким образом, пополнял библиотеку так называемыми толстыми журналами и вновь выходящими книгами. Так в Челябинске организовалась первая общественная библиотека.

В 1871 г. Член Святейшего Синода[b] Сергей Иринеевич Миропольский[52] прибыл в Челябинск для ревизии Духовного училища. В это время я был в Семинарии и помню, как Миропольский пришел к нам в класс на урок

[a] *далее зачеркнуто слово;* [b] *подчеркнуто карандашом*

[52] Миропольский Сергей Иринеевич (1742–1907) — коллежский советник, член-ревизор Учебного комитета при Святейшем Синоде, магистр богословия Московской ДА. О нем см.: Сергей Иринеевич Миропольский // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1907. № 29. С. 1193–1195.

по Словесности и всё время что-то записывал карандашом в маленькую записную книжечку. ‖

(л. 51 об.) Преподаватель Словесности М. М. Агишев — чрез 2–3 недели задавал нас темы для «сочинений», часть которых потом он прочитывал всем нам, вызывая на критический разбор сочинения.

Между прочим, была тема провести параллель между пребыванием в училище и в Семинарии. Когда[a] задали Агишеву вопрос можно ли об учителях училища писать, он сказал: «Конечно, поскольку это относится к преподаванию, как оно проводилось, какими предметами вы интересовались и проч.».

Мы, Челябинцы, уговорились воспользоваться темой по отношению к методам преподавания Орловым греческого языка. Уфимцы и Оренбуржцы также решили «прописать» своих педагогов.

Эти наши сочинения хранились на столе в Правлении Семинарии (Агишев не успел еще унести к себе для просмотра). По словам письмоводителя Правления нашего товарища Лебединского[53] (он остался в <нрзб.>), Миропольский[b] наши сочинения (т. е. Оренбуржцев, одного Бугульминца, Уфимцев и Челябинцев) забрал к себе и, таким образом, до некоторой степени уже был подготовлен для ревизии Челябинского училища. ‖

(л. 52) В 1871 г. в Челябинске телеграфа еще не было (только через год Челябинцев стали извещать о приезде, например, Губернатора, Попечителя уездного округа и т[ому] п[одобных] должностных лиц), и потому Миропольский явился сюда неожиданно, да к тому же еще в Масляницу, когда занятий в учебных заведениях не полагалось.

Полицейский отвел М[ирополь]скому квартиру в доме Г. Я. Мотовиловой (номеров, где бы можно было остановиться приезжему, в Челябинске не было; их начали открывать только с постройкой Сибирской ж[елезной] дороги[54]).

---

[a] *далее зачеркнуто* мы; [b] *далее зачеркнуто* все

[53] Лебединский Владимир Павлович — одноклассник В. А. Протасова по Челябинскому ДУ и Уфимской ДС. После окончания 1872/1873 уч. г. отчислен из семинарии и с 15 июля 1873 г. был принят писцом 2-го разряда в Канцелярию Оренбургской духовной консистории (Движение по епархиальной службе // Оренбургские ЕВ. 1873. № 18. Отд. оф. С. 697). С 1880 г. преподавал в Челябинском ДУ церковное пение и был псаломщиком градо-Челябинской Покровской церкви при училище. 17 августа 1886 г. рукоположен во диакона и определен на служение к Челябинскому Одигитриевскому женскому монастырю (Епархиальная хроника // Оренбургские ЕВ. 1886. № 20. Отд. оф. С. 773). Окончил свой земной путь на вакансии псаломщика 16 марта 1904 г. (Сведения по епархии // Оренбургские ЕВ. 1904. № 9. Ч. оф. С. 141). Также см. о нем: *Боже В. С.* Лебединский Владимир Павлович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 112–113.

[54] Подробнее о ее строительстве см.: *Лукоянов И. В.* Сибирская железная дорога: замыслы, проекты, воплощения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 38–51.

Узнав от полицейского, где находится Духовное училище, Миропольский отправился туда; но оказалось[a], что ученики распущены на каникулы и занятия[b] начнутся со второй недели великого поста, а потому М[ирополь]ский распорядился, чтоб Смотритель училища Орлов немедленно явился на квартиру его, Миропольского.

Иван Андреевич был у кого-то на блинах и явился к Миропольскому в веселом настроении.

Объявив, что прибыл для ревизии, М[ирополь]ский спрашивает Орлова: почему занятий в училище нет?

Орлов объясняет, что по случаю праздника Маслянницы ученики распущены на каникулы. ‖

(л. 52 об.) Никакого[c] праздника Маслянницы церковь не знает, а вы — надеюсь — не язычник? — обратился М[ирополь]ский к Орлову и предложил ему на завтра к 10 часам утра всех учителей пригласить в Правление училища — на этом аудиенция и окончилась.

К Мотовиловой же М[ирополь]ский обратился с просьбою, с кем бы она рекомендовала ему познакомиться из духовенства. Мотовилова указала на моего отца[d] и в тот же вечер пригласила его к себе, где Миропольский и познакомился с отцом[e], как оказалось[f], не без цели.

Как потом мне рассказывал отец, Миропольский наиглавнейше интересовался Орловым и наводил отца на вопрос о практикующемся мордобитии, сечении розгами и т. п. ‖

(л. 53) В конце концов отец поставлен был в условия откровенности.

Миропольский, между прочим, интересовался и библиотекой и, когда ему попалась на глаза книжка из сочинений Поль-де-Кока[61], задал З[ахарию] Ф[едорови]чу вопрос: «А эту гадость зачем вы держите?»

— Это из числа пожертвованных книг.

«Странное дело! Вам кто-нибудь пожертвовал бы в библиотеку кучку навоза — вы тоже не отказались бы принять?» (И Поль-де-Кок полетел в топившуюся печку).

Отобрав по каталогу книги для фундаментальной ученической и учительской библиотеки, Миропольский — особою бумагой на имя Правления училища распорядился все остальные книги — впредь до особых

---

[a] *написано над строкой вместо зачеркнутого* узнав от сторожа; [b] *написано над строкой вместо зачеркнутого* на Масляннницу и первую неделю; [c] *далее зачеркнуто* церковного; [d] *далее зачеркнуты 8 строк;* [e] *вместо зачеркнутого* ним; [f] *вместо зачеркнутого* видно

[55] Шарль Поль де Кок (фр. Charles Paul de Kock; 1793–1871) — французский писатель XIX в. Его произведения очень активно переводились на русский язык начиная с 1831 г. и пользовались в России огромной популярностью. В 1900 г. в Санкт-Петербурге вышло полное собрание сочинений писателя в 12-ти томах.

распоряжений — в обращение для чтения не выпускать; Челябинцы на долгое время остались без библиотеки.

Потóм, как-нибудь в другой раз, я рас[с]кажу об участи[a] библиотечного дела в Челябинске, а пока пора уже и закончить «Мои школьные годы».

Уроки я старался закончить, по возможности, ‖ (л. 53 об.) до наступления сумерек, и отец часто бранился, когда заставал меня за книжкой у окна при свете потухающего дня; действительно, чтением в сумерках я много ослабил свое зрение.

Ежедневно по вечерам у нас устраивалось чтение; мать усаживалась за традиционное вязание чулков; кухарка, горничная и сестра также усаживались вокруг стола с какой-нибудь работой.

З[ахарий][b] Ф[едорович] снабжал меня журналом «Семейные вечера» Марии Федоровны Ростовской (внучка поэта Державина и сестра композитора духовных пьес Львова). Журнал этот издавался Ростовскою с 1864 по 1870 г. Большею частию в нем встречались сентиментальные романы, как, например, «Фонарщик»[62] или «Хижина дяди Тома»[63].

Как сейчас представляю себе эти наши вечера за чтением «Фонарщика». Вот сестра начинает,[c] без всякой причины, все чаще и чаще подшвыркивать носом; появляются на глазах слезинки, быстро смахиваемые платком, а голова ниже склоняется над столом; молоденькая горничная как-то заметно слышно набирает в себя воздух, а кухарка — тоже ‖ (л. 54) беспричинно — все больше и больше покрякивает, как бы оправляя свободу дыхания.

Но вот сестра начинает понемножку всхлипывать и наконец откровенно плачет; горничная вторит сестре, а кухарка — необычным на этот раз голосом — заявляет: «Вы малость погодите — я пойду с квашней управляться». Мать давно уже, ухмыляясь, посматривала на сестру и горничную, а после реплики кухарки принималась хохотать, а потом говорила: «Дуры, вы дуры! Да вы дослушайте до конца, а потом уж плакать стыдно будет. Вон „Гараньку“ читали; тоже бедный был и сирота, а что из Гараньки вышло? Хорошим человеком стал; доктором сделался. Так и тут надо быть — всё хорошо кончится».

Как бы то ни было, чтение прекращалось до следующего вечера.

А «Гараньку» (если не ошибаюсь, рас[с]каз Погасского из народного быта) купил для меня на ярмарке отец, как я только научился читать.

---

[a] *далее зачеркнуто* Чел; [b] *до его имени зачеркнуто* Также; [c] *далее зачеркнуто* по-видимому

[56] Роман американской писательницы Марии Сюзанны Камминс (1827–1866); издавался в рус. пер. в нескольких номерах журнала «Семейные вечера» за 1868–1869 гг.

[57] Роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896), направленный против рабовладения в США. Рус. пер. романа издавался в таких журналах, как «Русский вестник», «Сын Отечества», «Современник».

Впоследствии я узнал, что «Гаранька» числился в списке запрещенных книг; между тем рас[с]каз этот самый невинный: крестьянский мальчик-сирота жил у деда-пасечника; Гараньку,[a] ‖ (л. 54 об.) как мальчика смышленого, какой-то состоятельный человек, хороший знакомый пасечника, взял к себе на воспитание; Гаранька, отданный в гимназию, а потом и в Университет, не порывал сношений с дедом-пасечником, как человек благодарный за воспитание себя, сироты. Сейчас книжку эту трудно найти, чтоб проверить и отыскать в ней хотя бы тень оснований для ее запрещения правительством того времени.

Впрочем, особенно здесь и удивляться нечему, кто знаком хотя бы с «Очерками по истории русской цензуры» Скабичевского, печатавшимися в «Отечественных записках»[58], а сборник «В защиту слова» (второе изд[ание] 1905 г.)[59] и до сих пор еще игнорируется даже современною властию.

Правда, «свободой слова» мы исконно́ пользовались, бе[с]препятственно пользуемся ею и до сих пор, когда нейстово бьем и ругаем заморенную лошаденку, остановившуюся с непосильным для нее возом, — но ведь это более или менее[b] исключение, и при том для лиц известного круга, известного воспитания и образования.

Впрочем, неограниченной «свободой слова» пользовался еще «Союз русского народа», именуемый «черной сотней»[60]. ‖

***

(л. 55) Чем мы занимались в перемену между классами? В летнее время, конечно, выходили во двор: кто боролся, кто играл в свайку, в ножичек, в лапту, в щучку, в чехарду; игр этих описывать не буду, но если кто поинтересуется знать, в чём заключалась та или другая игра, расскажу.

В первый же выпавший снег мы играли в снежки́; иной раз сооружали башню, которую потом брали на ура́.

Зимою же, во время перемен, одно время увлеклись[c] собиранием коллекций пуговиц (я не собирал), и самая большая коллекция их (что-то до двухсот видов) была у первого ученика нашего класса Левашева. Зато у второго ученика Гордеева была очень интересная коллекция стальных

[a] *далее зачеркнуто* как; [b] *далее зачеркнуто* редкое; [c] *написано вместо трех зачеркнутых слов*

[58] Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) — литературный критик и историк русской литературы. Речь о его книге «Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.)» (СПб., 1892). В «Отечественных записках» успела выйти только одна его статья по теме: *Скабичевский А. М.* Очерки по истории русской цензуры // Отечественные записки. 1884. Т. CCLXXIII, № 3. С. 187–228.

[59] В защиту слова: сборник / 2-е изд. СПб., 1905.

[60] «Союз русского народа» или «черня сотня» — общее название дореволюционных монархических организаций.

перьев, который — для пополнения коллекции — за старое, уже испорченное, перо иногда платил десять новых перьев.

Насколько невинно было составление коллекций перьев, настолько азартна была игра в пуговицы, но в чем она заключалась — я не интересовался, — кажется, это была игра в «чёт или нéчет?».

Дошло до того, что ученики в церкви, особенно за ‖ (л. 55 об.) всенощной, принялись срезывать пуговицы от пальто мужских и женских, но затем интерес к собранию коллекций — со временем — прекратился.

В нашем классе были два феномена: Миша Протопопов разгрызал зубами пополам финиковую косточку (зерно). Многие, конечно, силились подражать ему в этом, но безуспешно. Лично про себя скажу, что попытка разгрызть финиковое зерно — к 20 годам[a] отразилась на моих коренных зубах правой и левой челюсти. Николай Глинский обладал такой грубой кожей на теле, что, проведя по локтю левой руки, вздувал серную спичку — соперников у Глинского тоже не было.

Ранее я оговорился, что мне неизвестно, практиковал ли Орлов сечение розгами и кулачную расправу во 2 классе.

Недавно я получил от моего знакомого из Хабаровска письмо, в котором он — между прочим — сообщает, что в 1870/71 г. обучался в Челябинском духовном училище, во втором классе (откуда перешел в Екатеринбургскую гимназию[61], а курс окончил в Троицкой[62]). Знакомый мой припоминает, что однажды Орлов «зака- ‖ (л. 56) тил» рядом сидящему с ним товарищу «хорошую плюху».

После ревизии Миропольского Орлов, далеко еще не выслуживший срока на пенсию, вышел в отставку, как было принято выражаться в таких случаях, «по расстроенному здоровью».

Очевидно, пенсия была небольшая, так как Орлов вскоре пристроился преподавателем географии в женском училище.

Здесь Иван Андреевич ни кулака, ни длани[63] своей в ход не пускал, но не мог сдержаться, чтоб навести ученицу на правильный ответ — делал он это изумительно просто: сначала начинает слегка проводить линейкою от плеча до кисти руки, а потом дойдет до затылка, а в конце концов ученица расплачется.

---

[a] *вместо зачеркнутого* лет

[61] Имеется в виду, вероятно, Екатеринбургская мужская гимназия, существовавшая в 1861–1918 гг. Сейчас в ее здании находится гимназия № 9. См. о ней: *Диомидов Н. К.* Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии. Оренбург, [1887].

[62] Троицкая мужская классическая гимназия была открыта 23 сентября (ст. ст.) 1873 г. О ней см.: *Метелева Н. Ф.* Троицкая мужская гимназия // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2013 / сост.: И. Н. Пережогина, О. В. Скребкова, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2013. С. 194–199.

[63] Длань (устар.) — рука, ладонь.

Начальница училища Пелагея Гавриловна (по фамилии — помнится — Захарова)[64] такого обращения с девочками не признала за рациональный прием обучения и отказала Ивану Андреевичу в преподавании географии.

После этого Орлов переселился в г. Златоуст в одну из земских школ, тоже преподавателем, но также ‖ (л. 56 об.) и в Златоусте ему не повезло: одному ученику Орлов до половины надорвал ухо... Орлова и здесь устранили.

Чтоб вы себе представили, каким здоровьем и вообще физической мощностью обладал Иван Андреевич Орлов, я расскажу такой случай. Мне было лет 7 или 8, когда одна из моих сестер вышла в замужество; на другой день у нас был «свадебный обед», перерывы между подачею блюд были продолжительны и гости подкрепляли себя выпивкой. Ивану Андреевичу пришла фантазия кушать лёжа на диване (жесткий, без пружин).

Всё время, пока продолжался обед с перерывами для выпивки, Иван Андреевич лежал на диване, на нем сидели трое: на груди учитель рисования в уездном училище Травкин[65], на животе учитель математики в том же училище Третьяков[66] и на ногах учитель русского языка в дух[овном] училище Е. Ф. Шмотин[67]; кормил Орлова Травкин, а водку и вино вливали Орлову в раскрытый рот все трое из сидящих на нем.

Судите сами — каково же нам было переносить побои Орлова.

Я говорил о Васе Образцове, что он не мог ‖ (л. 57) выносить орловской трёпки за волоса, а потому и стриг их наголо. Вскоре по вступлении в Семинарию Вася стал жаловаться на головные боли, а осенью слег в больницу и — чрез некоторое время — помер.

Когда мы разговорились с нашим больничным врачом Ляуданским[68] и высказали предположение о причинах головной боли, врач сказал:

[64] Захарова Пелагея Гавриловна (1810–?) — начальница Челябинского женского 2-го разряда училища с конца 1862 г. О ней см.: *Боже В. С.* Захарова Пелагея Гавриловна // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 73–74.

[65] Травкин Василий — учитель черчения и рисования в Челябинском уездном училище. О нем см.: *Боже В. С.* Травкин Василий // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 198.

[66] Третьяков Николай Иванович — учитель математики в Челябинском уездном училище. Кратко о нем см.: *Боже В. С.* Третьяков Николай Иванович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 199.

[67] Шмотин Евгений Федорович — преподавал в Челябинском ДУ русский язык с 1865 г. С 7 ноября 1872 г. — настоятель Покровской церкви, «устроенной г. Перцевым» при училище (на училищном дворе) (Движение по епархиальной и училищной службе // Оренбургские ЕВ. 1873. № 1. С. 19). Окончил Уфимскую ДС. Умер 2 марта 1894 г., будучи настоятелем церкви во имя св. Параскевы Пятницы в Кундравинской станице Троицкого уезда (Сведения по епархии // Оренбургские ЕВ. 1894. № 17. Ч. оф. С. 223). О нем см.: *Боже В. С.* Шмотин Евгений Федорович // Его же. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2. С. 216.

[68] Ляуданский Никодим Францевич (ок. 1840 — 1917) — уфимский уездный врач, поляк по происхождению.

«Возможно, возможно; вполне возможно, что привело к смерти вашего товарища».

Я кончил. Когда мне случалось потом проходить по Большой улице мимо белого каменного дома с его пятью окнами в неуклюжих рамах, сохранившихся — со времен постройки здания — всё в том же виде до сих пор, во мне рождалось[a] какое-то необъяснимое чувство; это не была злоба, не сказывалось и сожаление о прошлом, как и не являлось и причин быть благодарным за четырехлетнее пребывание в этом каменном мешке.

Мало ли в Челябинске знакомых домов, из коих с каждым соединено какое-нибудь воспоминание, а между тем проходишь мимо них, не испытывая какого-то особо непонятного ощущения. ‖

(л. 57 об.) Впрочем, с некоторого времени, мне всё реже и реже приходится фланировать по Большой улице до конца ее и, таким образом, благодаря нашему коммунотделу, силящемуся превратить Челябинск в сад-город и потому перегородившему улицу продолжением чрез нее Пушкинского сквера, мне так или иначе уже не приходится видеть белый дом, в котором я провел мои школьные годы.

Василий Протасов

4-VIII-1925
г. Челябинск

ОГАЧО. Р-627. Оп. 1. Д. 58. Л. 22–57 об. Рукопись, автограф автора.

Сокращения

ДА — духовная академия.
ДС — духовная семинария.
ДУ — духовное училище.
ЕВ — епархиальные ведомости.

Источники и литература

Беговатов Д. А. Возражая Н. Г. Помяловскому: о «лучах света» в «темном царстве» духовных школ // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 28–43. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-28-43; EDN EQXDHY

Боже В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска: в 2 т. Челябинск, 2006. Т. 2. Справочные материалы. EDN QVNTCN

Боже В. С. Протасов Василий Александрович // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 5: П–Се. С. 418. EDN XWEMRZ

Ваничева К. В. От «секретных сборищ» к «тайному обществу»: кружок Александра Румянцева в Вологодской духовной семинарии в интерпретациях российских властей (1860-е гг.) // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 78–94. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-78-94; EDN HHZSMT

[a] *написано вместо трех зачеркнутых слов*

Вепрев О. В., Лютов В. В., Полянцев О. Г. Полянцевы: История семьи. Екатеринбург, 2018. URL: https://raritet-chel.ucoz.ru/publ/poljancevy_istorija_semi/zakharij_fedorovich_1835_1903_1/31-1-0-332 (дата обращения: 01.11.2025).

Гайденко П. И. Некоторые размышления о современных исследованиях по истории духовного образования в Российской империи: негласные табу, академическая цензура и самоцензура // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 96–106. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-96-106; EDN ABHXAG

Кашаева Ю. А., Нечаев М. Г., Яковлева В. В. Среднее образование в Пермской губернии в его историческом развитии // Образование в Пермской губернии XIX — начала XX в. Из истории средних учебных заведений: сб. док. Пермь, 2019. С. 16–33.

Конюченко А. И. Челябинское духовное училище // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 65–83.

Коршунков В. А. Почему смотритель Сарапульского духовного училища С. Н. Миловский стал С. Елеонским // Герценка: Вятские записки. Киров, 2014. Вып. 26. С. 19–25. EDN ZBMBLN

Леонтьева Т. Г. Феномен семинаризма в литературе и истории // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 8–26. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-8-26; EDN SNCXYC

Лукоянов И. В. Сибирская железная дорога: замыслы, проекты, воплощения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 38–51. https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-1-38-51; EDN TBYRFK

Мамин-Сибиряк Д. Н. Сорочья похлебка // Урал. 1958. № 1. С. 60–94.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Худородные. Свердловск, 1958.

Мангилёв П. И. Редкие книги гражданского шрифта в библиотеке Екатеринбургской духовной семинарии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 152–184. EDN WYMOJN

Мангилёва А. В. «С еще не утраченной наивностью, напоминающей утреннюю росу...». Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сорочья Похлебка» в историческом и культурологическом контексте // Русская словесность. 2016. № 5. С. 72–76. EDN XRMEHB

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015.

Метелева Н. Ф. Троицкая мужская гимназия // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2013 / сост.: И. Н. Пережогина, О. В. Скребкова, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск, 2013. С. 194–199. EDN VNCKJT

Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 58.

Орлова Ю. П. Реформа духовного образования 1860–1870-х гг. и нравственный облик служителя церкви в представлениях членов семинарского сообщества // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 44–61. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-44-61; EDN YRURZY

Протасов В. Записки челябинского старожилы / публ. Е. П. Туровой // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 199–209.

Протасов В. А. Мои школьные годы // Литература России. Южный Урал: хрестоматия. 5–9 класс. Челябинск, 2002. С. 8–18.

Реснянский С., свящ. История Челябинского Одигитриевского женского монастыря: дипломная работа. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2007.

Сафронова Ю. А. Как воспитать «нового человека»? Организация внеклассного чтения в ходе реформы духовно-учебных заведений 1867 г. // Новое прошлое. 2024. № 1. С. 62–77. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2024-1-62-77; EDN KRHQBM

Солодов Н. В. Повесть И. Г. Шадрина «Бурса»: источники и прототипы // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 172–189. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-172-189; EDN JZMCEN

Сухина Е. Н. Спасская церковь села Сладкие Караси — первая единоверческая церковь Челябинского уезда (по документам первой половины XIX века Госархива Челябинской области) // Православие на Урале: исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры: материалы симпозиума с международным участием: V Славянский научный собор «Урал в диалоге культур»: в 2 ч. Челябинск, 2007. Ч. 1. С. 229–236.

Татусь В. Н. Писатель С. Гусев-Оренбургский — воспитанник Оренбургской духовной семинарии: дополнения к биографии (1876–1888 годы) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 209–230. EDN KHMJVY

Hieromonk Mikhail (M. S. Rudakov), Sergey Yu. Akishin

Vasily A. Protasov's Memoirs "My School Years" as a Source on the History and Activities of Chelyabinsk District Theological School in 1865–1869 (with text publication)

Abstract. The article provides a brief analysis of Vasily Aleksandrovich Protasov's memoirs about the system of theological education during his studies at the Chelyabinsk District Theological College and Ufa Theological Seminary. The authors of the article focus on the first part of the memoirs, which describe the period of V. A. Protasov's studies at the Theological College from 1865 to 1869, as well as the various figures in the field of theological education with whom he interacted. The memoirs provide valuable insights into the college, its teachers, and students, allowing for a more comprehensive understanding of the educational environment.

Keywords: *Chelyabinsk District Theological School, V. A. Protasov, pedagogical activities, punishment system, education*

For citation: Rudakov M. S., Akishin S. Yu. Vasily A. Protasov's Memoirs "My School Years" as a Source on the History and Activities of Chelyabinsk District Theological School in 1865–1869 (with text publication). *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 294–338. (In Russ.)

About the authors: Mikhail (Rudakov, Mikhail Sergeevich), Hieromonk — Master's student at the Department of Church History and Philology of Ekaterinburg Theological Seminary, Cleric of the Cathedral of the Nativity of Christ (Russian Federation, Chelyabinsk). *E-mail: misha_r.92@mail.ru*

Akishin, Sergey Yurievich — Cand. Sci. (Theology; History), Associate Professor, Head of the Department of Church Practical Disciplines of Ekaterinburg Theological Seminary, https://orcid.org/0000-0003-2440-9516 (Russian Federation, Ekaterinburg). *E-mail: nikomachus@gmail.com*